

Лауреаты премии «Золотой РосКон»

Марина и Сергей
ДЯЧЕНКО

ПАНДЕМ

Марина и Сергей Дяченко

Пандем

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143763

Пандем: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-25499-6

Аннотация

«“Предположим, что некое существо... – сказал Пандем. – Нет, не так. Предположим, что есть такой комплекс свойств: всеведение, вездесущность и всемогущество...” И стало ясно: он пришел всерьез и надолго. А может быть, короче и проще: Он пришел. Что делать? Где спрятаться? Что станет с человеком и человечеством, благословят Пандема или проклянут?»

Утопия или антиутопия? Наши страхи, ожидания и надежды в романе чудесных авторов – Марины и Сергея Дяченко.

Содержание

Пролог	4
Точка отсчета	12
Глава 1	12
Глава 2	26
Глава 3	31
Глава 4	49
Глава 5	65
Глава 6	80
Глава 7	89
Второй год Пандема	111
Пролог	111
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Марина и Сергей Дяченко

Пандем

Пролог

Двадцать девятого февраля, в самый странный из отмеченных на календаре дней, Дэвид Хаммер, сотрудник уважаемой городской газеты, возвращался домой несколько позже, чем обычно.

Был влажный, почти весенний вечер. На вокзале Чаринг-Кросс Дэвид сел в поезд, который через полчаса должен был высадить его в Восточном Кройдоне. В купе на восьмерых в этот час никого не было, кроме Дэвида и парня лет восемнадцати, который, упав на сиденье, сразу же прикрыл глаза и отдал себя во власть музыки, перетекающей из плоской коробочки плеера в черные клипсы наушников.

Дэвид смотрел в окно – на далекие цепи огней и собственное печальное отражение. Он устал, дома его наверняка ждали упреки жены, которая не терпела, если он задерживался на работе в любой день, кроме пятницы. В пятницу ему разрешалось пить с друзьями пиво хоть до десяти вечера – однако сегодня была среда.

Поезд шел мягко и почти беззвучно. Парень в наушниках ритмично подпрыгивал ногой. Дэвид откинулся на мяг-

кую спинку кресла — в этот момент в голове его, где-то в районе затылка, обозначилось ясно осязаемое тепло, и чей-то голос — молодой, как показалось Дэвиду, почти детский — сказал весело и чуть смущенно:

— Привет!

Дэвид покосился на парня-попутчика, удивляясь, почему спустя десять минут пути тот все-таки решил поздороваться. Но парень занимался только собой и музыкой. Глаза его по-прежнему были прикрыты.

— Это я, — сказала в голове у Дэвида. — Это я, ты не пугайся... Дэвид?

Голос был *внутри головы*.

— Дэвид?

Всякому человеку хоть раз в жизни мерещится, что его окликнули. Дэвид потерял виски; разумеется, происходящее имело вполне обыкновенное объяснение. Например, включилось радио в вагоне; например, по радио как раз передают художественную постановку, где к герою по имени Дэвид пришел, например, сын. И сейчас этот радио-Дэвид заговорит в ответ...

Он оглядел купе в поисках динамика.

— Дэвид, это я... Слышишь меня?

Может быть, он слышит чей-то телефонный разговор? Может быть, кто-то в соседнем купе говорит по мобильнику с каким-то Дэвидом?

— Я тебя зову... Тебя...

Разумеется, происходящее по-прежнему имело объяснение. Например, Дэвиду подсыпали что-то такое в пиво. Кто, что, зачем, почему? Дэвид попытался вспомнить, кто находился рядом, когда он в компании двух коллег пил пиво в маленьком пабе напротив входа в редакцию...

– Успокойся. Ну успокойся же. Ничего страшного не происходит...

Голос имел своим источником теплое гнездышко внутри черепной коробки, чуть позади воображаемой линии, соединяющей уши. Дэвид не был великим знатоком в психиатрии, однако несколько популярных статей из этой области ему довелось в свое время прочитать; он понимал, во всяком случае, чем «внешняя», истинная галлюцинация отличается от ложной, «внутренней».

Шизофрения!

Дэвид разинул рот, собираясь закричать от ужаса, и только сознание, что он находится в общественном транспорте, заставило его сдержаться.

В этот самый момент парень-попутчик рывком выпрямился, сдернул с головы наушники – и уставился на Дэвида круглыми, очень удивленными глазами.

* * *

Мбасу лежал на пузе, в просвете перед ним имелась дорога, по которой очень скоро должен был пройти караван из

трех или даже четырех джипов, пройти и остановиться перед упавшим деревом, и тогда Мбасу и его брат, сидящий в засаде на другой стороне дороги, смогут перестрелять сперва вооруженных, потом безоружных, а потом набрать золотого песка, который добывают на озере и который бесполезен сам по себе, но на него можно выменять еды и патронов, и командир будет доволен и похвалит Мбасу и его брата.

А еще можно было бы захватить женщину. Несколько месяцев назад Мбасу повезло, и он захватил женщину. Командир был очень доволен и присвоил Мбасу звание лейтенанта.

Мбасу было четырнадцать лет, а его брату было двенадцать. А командиру было двадцать два; он был великий командир, уже генерал. Его отряд держал в страхе полмира. А вторую половину мира держал в страхе ублюдок Гиена со своей ублюдочной шайкой.

У Мбасу был хороший автомат. Это был уже четвертый. Первый он добыл, когда ему было лет восемь, но то был плохой автомат. Если честно, то Мбасу просто снял его с трупа. А этот был хороший, почти новый, Мбасу нравилось его разбирать и собирать. А особенно нравилось стрелять, а для этого нужно было много патронов, а для этого нужно было выследить развозчиков золотого песка...

– Эй, – услышал Мбасу за спиной и тут же перевернулся и дал очередь в лес, хотя никого не увидел. Лучше сперва стрельнуть.

Напротив, за дорогой, колыхнулись ветки. Его брат бес-

покоился, почему Мбасу стреляет.

– Дурак, они слышали, – сказал голос. – Они теперь не поедут, дурак.

Мбасу долго оглядывался, но все равно никого не видел. Возможно, с ним разговаривал дух. Очень неправильно было со стороны духа явиться к Мбасу именно тогда, когда он лежал в засаде.

– Мбасу, – сказал дух. Мбасу понял, что голос идет не снаружи, а *из головы*. И что, наверное, каравана сегодня не будет, не будет золотого песка, не будет еды и патронов, а значит, командир будет очень недоволен Мбасу и его братом.

В этот момент напротив, по ту сторону дороги, началась стрельба...

* * *

Андреевна вернулась с почты, у дверей стянула с опухших ног резиновые сапоги, щелкнула выключателем и поняла, что света опять нет; свечной огарок лежал наготове. Андреевна чиркнула спичкой, осветив шкаф и умывальник, ящики с помидорной рассадой, детали самогонного аппарата в углу и аккуратный штабелек щепок перед остывшей печкой.

Муж Андреевны, Игнатыч, умер полтора года назад. Сын Борька и невестка Оля жили в райцентре и звали к себе, но Андреевна к ним не хотела.

Андреевна открыла вентиль газового баллона. Сунула в огонь свечи белый кончик уже использованной спички и, когда та загорелась, поднесла к горелке.

Слабенько, привычно запахло газом. Андреевна разогрела на сковородке утреннюю пшенку, залила утренним же молоком. Звонко тикали часы на стене; забрежал во дворе Пират – видно, кто-то прошел вдоль забора. На разные голоса отозвались соседские собаки.

Андреевна сидела, зачерпывая ложку за ложкой, поскребывая об эмалированное дно миски, жевала и думала о рубероиде на крышу и о пленке для парника. И что надо попросить соседа Васю подварить раму на велосипеде. И что сегодня она опять пропустит сериал. И что на ночь надо будет протопить получше, потому что обещали мороз...

В этот момент в голове ее будто зашуршало, негромко, помышиному. Андреевна положила ложку и устало подперла щеку рукой.

Треск в ушах то усиливался, то умолкал. Андреевна вспомнила, что уже три дня не принимает таблетки, которые выписал ей доктор. Со свечкой открыла тумбочку, взяла аптечный пузырек, выкатила на темную и жесткую ладонь белое колесико, разделенное на две равные части тонкой линей-ложбинкой. Полюбовалась; проглотила, запив водой. Поморщилась.

– Андреевна, – укоризненно сказала темнота, но в этот момент вспыхнула лампочка под потолком, а секунду спустя

забормотал телевизор.

Андреевна обрадовалась. Задула свечу, уселась в продавленное кресло, положив ноги на деревянную скамеечку. Молодой парень в пиджаке рассказывал прогноз погоды – сразу после него будет реклама, а потом, Андреевна знала, будет сериал...

– Андреевна, – сказал голос *внутри головы*, и, соглашаясь с ним, она повторила вслух:

– Андреевна-Андреевна, старая ты рухлядь, к Михайловне-то опять не зашла сегодня...

Парень в телевизоре как раз сказал: «Днем три-пять градусов мороза». Сказал – и замолчал, глядя на Андреевну выпученными в ужасе глазами.

– А потепление обещали, сволочи, – сказала Андреевна сама себе. – Ну, где ваше потепление?

Парень проглотил слюну. И заговорил быстро и громко, будто желая заглушить собственные мысли:

– Второго-третьего марта ожидается незначительное потепление до ноля градусов днем и минус двух-пяти ночью. Затем снова похолодание до...

И осекся. Дернул головой, словно вытряхивая воду из ушей.

– ...До минус двух-трех градусов мороза днем и пяти-семи ночью...

Андреевна не могла понять, что шумит в ее голове – то самое «давление», против которого помогают белые с лож-

бинкой таблетки, или это ветер качает на крыше телевизионную антенну...

На счастье, прогноз погоды уже закончился. Начиналась реклама.

Точка отсчета

Глава 1

Вот уже несколько дней Ким был пьян, не прикасаясь к спиртному; растерянность была столь же непривычна для него, как для форели – жажда. Потрясение пополам с эйфорией привели наконец к несчастью: подмерзшая трасса не пожелала носить на себе рассеянного и беспечного ездока. В четыре утра вокруг было темно и пусто, по обе стороны трассы чернел лес, машина, оказавшаяся на обочине в позе опрокинутого жука, вхолостую вертела колесами, а Ким Андреевич висел на ремне безопасности, пытаясь открыть дверцу и выбраться из мышеловки.

Дверцу заклинило. Мимо промчались фары и скрылись за близким горизонтом: водитель либо не заметил катастрофы, либо решил не забивать себе голову пустяками.

Сегодня утром Ким наполнил бензобак до краев. «Странно, что он не взорвался до сих пор», – думал Ким, вернее, не думал, а *ощущал*, пытаясь освободиться от ремня. Пытаясь высадить стекло. Пытаясь хоть что-то – в эти последние секунды – для себя сделать.

Дверь открылась без его участия – кто-то сумел отпереть ее снаружи. Чья-то рука поймала Кима за руку; сквозь хо-

лодный пот и железный привкус во рту он успел запомнить и осознать это прикосновение.

Помощь! Откуда?!

Спустя мгновение он был снаружи, и они со спасителем успели отбежать в сторону, прежде чем бензобак взорвался наконец, и на трассе сразу сделалось светло.

* * *

Все началось две недели назад с того, что Ким неверно поставил диагноз.

Результаты анализов, обследований, рентгеновские снимки не оставляли надежды нестарому еще учителю химии и биологии; Ким понял это сразу, разговор с женой учителя был похож на десятки подобных разговоров, выпадающих на долю врача специализированной клиники. Пытаться что-либо сделать было поздно – Ким долго объяснял несчастной женщине, почему операция бесполезна и только принесет больному новые мучения; конечно, она не согласилась. Состояние ее мужа ухудшалось день ото дня, он почти не приходил в сознание, тем не менее Ким назначил – скорее для очистки совести – поддерживающую терапию и новое обследование...

Спустя несколько дней больному стало лучше. Анализы изменились словно по волшебству, Ким назначил новый рентген и долго разглядывал темную пленку. Уверенный в

ошибке, потребовал повторного снимка; спустя день учитель уже порывался вставать с койки, а жена не отходила от него ни на шаг и смотрела мимо Кима невидящими, полными презрения глазами.

Ким ошибся в диагнозе – это было ясно и без заведующего больницей, тем не менее заведующий явился на негодующий призыв пациентовой жены. Ким был пристыжен, можно сказать, погружен носом в лужу, как нашкодивший котенок; все это было бы печально, если бы не румянец, вернувшийся на округлившиеся щеки недавно умиравшего учителя. Уязвленный и сбитый с толку, Ким успевал все-таки радоваться, что палату покидает не труп, а здоровый человек, у которого впереди долгие годы полноценной жизни...

Авторитет Кима в глазах коллег сильно пошатнулся. Правда, через несколько дней безнадежная больная из соседнего отделения вдруг почувствовала себя лучше, и обследование показало положительную динамику немислимой скорости.

Авторитет коллеги, ставившего диагноз этой больной, пошатнулся уже не так сильно. Особенно в свете того, что все тяжелые больные – а в клинике легких не держали – вдруг ожили, и печальные диагнозы их принялись лопаться один за другим.

Послеоперационные восстанавливались без единого осложнения. Тех, кого к операции готовили, можно было уже не пускать под нож – нескольких человек прооперировали

просто по инерции, чтобы не дать остановиться «конвейеру». Все выжили, все чувствовали себя удовлетворительно, вокруг клиники росло кольцо возбужденных родственников – от них-то, сплоченных бедой, невозможно было скрыть странную счастливую новость. Родственников не допускали в боксы, однако известия о каждом, кто пошел на поправку, передавались из уст в уста, и вот уже в округе болтали о чудодейственном знахаре, о пролетавшей мимо тарелке, о том, что больница попала под благословение некоего святого проповедника...

Заведующий понимал в происходящем не больше других, тем не менее ему ясно было, что дальнейшее бездействие чревато взрывом. В один из дней (даже самые тяжелые больные уже поднимались, их анализы становились лучше день ото дня, дом борьбы и отчаяния превратился в дом твердой надежды) клиника была оккупирована корреспондентами, всего их было штук сорок. С камерами и диктофонами, фотоаппаратами, блокнотами они заполнили центральный холл, где заведующий дал пресс-конференцию; он был очень сдержан в выражениях, десять раз повторил, что чудес не бывает, что в клинике идет испытание новой методики и что первые положительные результаты – еще не повод для эйфории; корреспонденты разбежались по аппаратным и редакциям, и уже на другое утро вся страна знала, что в больнице города N творят чудеса по специальной методике...

Выпроводив корреспондентов, собрались в ординатор-

ской. Говорили мало. Никто ничего не понимал. Кое-кто невнятно упрекал заведующего. Большинство отмалчивалось. «Как странно, — думал Ким. — Мы все стали свидетелями настоящего доброго чуда, люди, обреченные на мучительную смерть, теперь здоровы и будут жить, но мы не находим себе места, потому что не понимаем, *как*. Незыблемые законы нарушились, мы не знаем, чего ждать дальше...»

Дальше случился наплыв пациентов. Койки приходилось ставить в коридоре; все потерявшие надежду, выписанные из других клиник на верную смерть собрались теперь здесь, Ким ходил бледный и растерянный, медсестры сбивались с ног, аппаратура для сложных обследований работала круглосуточно, под наплывом пациентов пали обязательная стерильность и даже обыкновенная больничная чистота, и на всех снимках, анализах и диаграммах было одно и то же: бурная положительная динамика. Как будто сотни врачей по всей стране дружно ошиблись в диагнозах.

Киму не следовало садиться за руль.

Киму не следовало оставлять так надолго молодую, на седьмом месяце беременности, жену.

В полчетвертого утра он закончил описание очередного снимка, снял халат, сделал выбор между женой и здравым смыслом — и поспешил домой, в то время как подмерзшая трасса...

– Ничего страшного, – примирительно сказал его спаситель. – Бывает хуже.

В свете бензинового костра Ким впервые посмотрел на него. Его спаситель оказался мальчиком лет пятнадцати, тонколицым темноволосым подростком в слишком легкой, не по сезону, курточке.

Киму захотелось сесть, и он сел на полосатый бетонный столбик. Машина пылала, костер был виден издалека. «Что, если Арина узнает? – подумал Ким. – Надо позвонить Арине и сказать, что все понятно... то есть все в порядке...» Однако телефон остался в машине, деньги, документы, все осталось в машине.

«Это потому, что я взял слишком влево, – стуча зубами, подумал Ким. – Не надо было забираться на третью полосу. А Арина наверняка спит, сейчас ведь ночь, вернее, глухая грань между ночью и утром...»

– Ничего страшного не случилось, Ким Андреевич, – сказал мальчик.

Его слова доносились сквозь шум огня и стук крови в ушах, Ким подумал, что слова излишни, что любое слово, произнесенное сейчас у бензинового костра, останется пустой шкуркой, звуком. «Ничего страшного не случилось, Ким Андреевич...»

«Чей он сын? – подумал Ким. – Он меня знает, он сын кого-то из знакомых, а может быть, пациентов?»

– У тебя нет мобильного телефона? – хрипло спросил Ким.

Мальчик сунул руку во внутренний карман курточки и вытащил плоскую трубку. Надо же, подумал Ким. Кнопки светились спокойным зеленоватым светом – как солнце сквозь морскую воду.

– Она спит, – сказал мальчик. – А милиция уже едет. Никуда не надо звонить.

Некоторое время Ким разглядывал клавиатуру, пытаясь вспомнить свой собственный домашний номер.

– Кто спит? – спросил он наконец.

– Арина Анатольевна, – мальчик смотрел спокойно и отвечал просто.

– Спасибо, – сказал Ким, возвращая трубку.

– Не за что.

– Нет... Спасибо, если бы не ты...

– Я понял, – мальчик улыбнулся.

Ким посмотрел на то, что недавно было его машиной. За чем-то пошарил по карманам. Огляделся; трасса по-прежнему была пуста, только где-то очень далеко – на краю света – голосила милицейская сирена.

– Как ты здесь?.. – удивленно спросил Ким.

Мальчик пожал плечами:

– Да так... вот.

– Мотоцикл?.. Велик?.. Ты ведь сын Евгении Яковлевны, нет?

– Нет, – мальчик вздохнул.

– А чей? Прости, я даже не спросил, как тебя зовут...

В этот момент из-за близкого горизонта вынырнули две пары фар и сине-белая мигалка.

* * *

Арина спала. У изголовья горел ночник – Аринина дизайнерская работа; задержав дыхание, Ким прикрыл дверь, жестом пригласил спасителя на кухню.

Упираясь пяткой в носок, мальчик стянул с ног мокрые ботинки.

– Чай будешь? – шепотом спросил Ким. – Кофе? Может быть... коньяк?

– Чай, – сказал мальчик, подумав. – Можно вымыть руки?

Через пятнадцать минут они сидели, разделенные клеенчатым красным столом, и на чистых клетках стояли, будто шахматные фигуры, две чашки без блюдец и два блюдца с неровно нарезанным сыром.

Ким смотрел на чашки, видел нежный парок, поднимающийся над палевой чайной поверхностью, и ни о чем не думал. Вернее, думал ни о чем.

– Это важно? – спросил его гость.

– Что? – Ким поднял голову.

– То, что случилось, важно? – спросил мальчик.

– Да, – подумав, сказал Ким. – Если бы не ты, я сгорел бы заживо.

– Вы будете жить до глубокой старости, – сказал мальчик.

– Да, – снова согласился Ким. – Есть такая примета.

– И ваши пациенты будут жить до глубокой старости, – мальчик заглянул в свою чашку.

Ким подумал, что за несколько прошедших недель он мог бы и привыкнуть к ощущению нереальности происходящего. Точнее, к новой реальности, где обреченные выживают, зато здоровых, уверенных в себе людей поджидает бензиновый костер на ровном месте...

Впрочем, костер его так и не дождался, и этого достаточно, чтобы вздохнуть с облегчением.

Мальчик пил чай как ни в чем не бывало. За его спиной уверенно и резко тикали часы в виде лунного диска: часы тоже были Арининой работой, год назад она купила в хозяйственном магазине самый простой механизм с пластмассовой тарелкой-циферблатом, тарелку сняла, а новый циферблат вылепила сама, сверяясь с увеличенными фотографиями Луны. Синеватые тени оранжевых кратеров были данью Арининой фантазии; на месте цифры «девять» имелся черный силуэт нетопыря.

– У меня к вам разговор, Ким Андреевич, – сказал мальчик.

Место в больнице для какого-нибудь родственника? День-

ги? Семейные проблемы?

– Я слушаю, – сказал Ким.

– Вы помните двадцать девятое февраля?

Ким ожидал чего угодно. Вернее, не знал, чего и ждать.

Двадцать девятое февраля...

– Помню, – сказал Ким.

(...Больная посмотрела на него удивленно. «Кажется, я слышу голоса, – пробормотала она. – Как вы думаете, Ким Андреевич, это к лучшему?» – «Голоса?» – переспросил в свою очередь удивленный Ким, в тот же момент внутри его головы, в области затылка, послышалось ясно различимое: «Ким! Не бойся! Я говорю с тобой!...»)

Ким содрогнулся, вспоминая ту нехорошую среду. Он сразу подумал о наркотике, подсыпанном в вентиляционную шахту; у всех собравшихся в ординаторской была сходная версия, все были почти спокойны, все владели собой и даже шутили – пока не прибежала сестра, смотревшая в холле телевизор...

– Конечно, я помню, – медленно повторил Ким.

– Прошло два года, – сказал мальчик. – Что же это было?

– Испытание психотропного вещества. – Ким с новым интересом рассматривал гостя. – Или космический катаклизм, вызывающий массовое помутнение рассудка...

– Вы в это верите? – мальчик тонко, по-взрослому, улыбнулся.

– Нет. – Ким не знал, как с ним говорить. Не мог найти

верного тона.

– А в то, что диагноз Прохорова Виктора Антоновича от четырнадцатого февраля был ошибочный?

В словах гостя была некая ненормальная точность; к историям болезни, хранившимся в сейфе, никакие мальчики допущены не были. Ребенок Прохорова?

– Ким Андреевич, вы действительно ошиблись в диагнозе? – снова спросил мальчик, глядя Киму в глаза.

– Нет, – сказал Ким.

На кухне сделалось тихо. Снаружи скреблись, ворковали, топтались по жестяному козырьку нахальные дворовые голуби.

«Все всё знают, – подумал Ким. – Только верят по-разному: кто в новую методику, кто в святое благословение, кто в летающую тарелку...»

– Они просто раздумали умирать, – признался он со вздохом. – Я не готов объяснять тебе, почему так случилось.

– Я и не прошу объяснять, – мальчик снова улыбнулся. – Наоборот... я хотел бы сам. Если позволите.

– Объяснить? – Ким не хотел, чтобы в голосе его прорвалась насмешка. Но она все-таки прорвалась.

Мальчик не обиделся:

– У вас ведь объяснений нет? Почему бы не выслушать мою версию того, что случилось в вашей больнице? И заодно того, что случилось двадцать девятого февраля. И того, кстати, что случилось сегодня с вами...

«Стресс, – подумал Ким. – Возможно, приключение с горящей машиной подранило меня куда сильнее, чем кажется...»

Скормить ему легонький транквилизатор?

– Кстати... – сказал он легко и буднично, как обычно говорил с пациентами. – Как ты все-таки оказался... на трассе? Ты что же, ночевал там в ожидании, пока я навернусь?

– Нет, – сказал мальчик. – Не знаю, как вам сказать... как это преподнести получше. Поудачнее, нежели двадцать девятого февраля.

– Что?!

– Вы скоро потеряете работу. Просто некого будет лечить.

Ким открыл рот, чтобы мягко пошутить в ответ – но так и не придумал шутки.

– Что, все будут здоровы, да?

Мальчик кивнул:

– Да. Как ваши теперешние пациенты. Как Прохоров Виктор Антонович.

– Он твой родственник, да? Может быть, отец? Дядя?

– Нет, не родственник. Мне кажется, родственников в обычном понимании у меня вообще нет...

Ким осознал вдруг, что гость сидит, не разжимая губ, а голос его звучит внутри Кимовой головы. На секунду вернулся ужас двадцать девятого февраля – когда останавливались поезда и самолеты бессильно опускались куда попало, когда телефонные линии не выдерживали лавинообразной нагруз-

ки, когда алкоголики бросали пить навсегда-навсегда, кто-то вопил от ужаса, кто-то пытался покончить с собой, а кто-то искренне недоумевал, из-за чего сыр-бор: подумаешь, голос внутри головы...

Стучали часы. Уютно булькали голуби.

– Как ты это делаешь? – спросил наконец Ким.

Мальчик вздохнул: «Да вот так...»

– Да вот так, – повторил он вслух. – Я подумал, как раз сегодня вам будет легче в это вжиться... в новую реальность. Стресс размывает границы вероятного...

– И... что?

Мальчик смотрел Киму в глаза:

– Предположим, что некое существо... Нет, не так. Предположим, что информация, преодолев некий порог, получает способность... Нет. Предположим, что есть такой комплекс свойств – всеведение, вездесущность и всемогущество...

– Так, – вырвалось у Кима.

– Так, – мальчик кивнул. – Не всеведение... Но знание, которое приближается ко всеохватному. Не всемогущество... Но возрастающая со временем способность находиться сразу во многих местах. Не всемогущество, но...

Часы за его спиной в последний раз тикнули и остановились.

Ким поднялся, добавил воды в остывший чайник, поставил его на огонь и уселся снова.

– Это... надо переварить, правда? – тихо спросил мальчик.

Ким молчал.

– Два года назад, – медленно сказал гость, – я решил, что, явившись всем одновременно, весело так, по-дружески... что человечество придет в восторг.

Ким молчал.

– Сейчас я пойду, – сказал мальчик. – У вас будет время, чтобы... осознать. Когда – если – захотите еще раз со мной поговорить...

– Я тебя провожу, – резко сказал Ким.

– Не надо, – мальчик помотал головой. – Я и сам... доберусь. А плохо будет, если Арина Анатольевна проснется и не застанет вас...

– Эй... Как тебя зовут?

Мальчик обернулся от входной двери:

– У меня нет имени. Только самоназвание. Пандем.

Глава 2

Почти четыре года назад Ким встретил свою будущую жену перед входом в художественный институт. Арина стояла, прислонившись спиной к чугунной ограде, а рядом стоял ее однокурсник Генка Травников; его имя Ким узнал много позже – тогда же он увидел просто парня, орущего на девушку.

На тот момент Арина была девушкой Генки. Вернее, добывала в этом качестве последние секунды. Генка был талантлив, он был самый талантливый на их курсе, Арина любила его безумно. Ей было девятнадцать лет.

Генка был талантлив и вспыльчив. Потом, успокаиваясь, он всякий раз на коленях умолял Арину простить его. И она всякий раз прощала, потому что любила его безумно.

Он был ревнив. Она была кокетлива. На этот раз он счел, что она слишком часто улыбается Зубалову. Кто был этот Зубалов, Ким сейчас уже не помнил.

Итак, Генка орал на Арину, прижимавшуюся спиной к чугунной ограде, и ее растерянность давала пищу самым скверным Генкиным догадкам. Глубоко внутри себя он считал, что девушка, если она не виновата, не станет вот так, со слезами на глазах, слушать оскорбления – она непременно даст обидчику по морде, и если бы Арина съездила Гене пятерней с накрашенными ногтями, если бы оставила пять крас-

ных полос на бледной от гнева щеке – тогда, вполне вероятно, судьба ее сложилась бы по-другому, и судьба Кима сложилась бы по-другому, и их дети никогда не появились бы на свет.

Арина, застигнутая врасплох, смотрела на Генку широко раскрытыми влажными глазами, и он, называя во всеуслышание ее поведение брутальными точными словами, видел в черных зрачках себя и даже раздумывал, не попробовать ли такой вот ракурс, не набросать ли сейчас эскиз или что-то в этом духе (Ким слабо себе представлял, какими словами думают художники о работе, однако Генкину природу – в каждый момент своей жизни тот был прежде всего рисовальщик – угадал правильно).

Ким в это время возвращался с ночной смены, был сер лицом, но вполне оптимистичен в душе. Увидел сперва девушку, прижавшуюся спиной к чугунной ограде, а потом орущего – и успевающего любоваться собой в благородной ярости – Генку Травникова. И счел, что юноша ведет себя неприлично.

Со стороны это выглядело так: некто неприметный, со страшным осунувшимся лицом и ввалившимися щеками, подошел к Травникову сзади и взял его за плечо. А когда Генка раздраженно обернулся – сгреб его за щегольский галстук расцветки павлиньего пера, притянул прямо к узким воспаленным глазам и сказал нечто, слышимое только двоим. И Генка, увидев свое отражение на этот раз в небольших

глазах незнакомца, вдруг сник, опустил плечи, как-то неуверенно – с третьей попытки – вырвался и поспешил прочь, разом забыв о занятиях, о толпе студентов вокруг и, конечно, об Арине, все еще прижимавшейся спиной к чугунной ограде...

Студентов как ветром сдуло. Все спешили на пару; Арина стояла, прижимая к груди большую картонную папку, и Ким молча проклял себя: зачем он опять вмешался в чужую жизнь?! Кто его звал, защитника хренова, эти двое, может быть, завтра бы помирились, это же богема, они же сверх-эмоциональны, может быть, они так живут, может быть, это такая любовь...

Он извинился и пошел своей дорогой. На углу не выдержал – обернулся; Арина стояла все там же, загородившись от мира папкой, будто картонным щитом, и Ким, потоптавшись, почему-то вернулся.

Потом Генка Травников стал мировой знаменитостью. Но Кима – даже спустя много лет – не мог видеть. Отводил глаза.

* * *

...Он сидел в кресле перед кроватью и смотрел, как Арина просыпается. Как вздыхает, переворачиваясь со спины на бок, и медно-каштановые волосы на подушке укладываются по-новому. Скоро она проснется. Впрочем, время еще есть. Небольшая, Киму по плечо, она иногда дразнила его: «Дя-

дя, достань воробышка».

Она была то близкая, легкая, вечно улыбающаяся, то, наоборот, замкнутая, отрешенная, далекая. Ким никак не мог отыскать тот таинственный переключатель, который переводил ее из одной ипостаси в другую, впрочем, он давно уже научился любить «сумрачное» Ариино лицо не меньше, чем «солнечное».

Первая ее беременность закончилась трагически.

Сейчас она была бледна до того, что веснушки почти пропали. Ким знал, что беспокоиться, в общем, не о чем. Специалист, которому Ким доверял как себе, два дня назад сказал, отвечая за каждое слово как под присягой: беспокоиться, в общем, не о чем...

В общем.

Арина заметила – нет, почуяла его присутствие. Улыбнулась, не открывая глаз:

– С добрым утречком...

Села по-прежнему слепая. Протерла глаза кулаком; у нее были продолговатые, как листья ивы, кофейного цвета глаза.

– Привет...

Обняла. Почти сразу обмерла, отстранилась:

– Что?..

Света в комнате было чуть – узкая желтая полоска под дверью да рассвет за шторами. Может, она почуяла запах гари, который он смывал с себя минут двадцать – шампунем, мылом, пемзой?

– Ничего, – сказал он осторожно. – Машину разбил.

– Машину... – Она провела рукой по лицу, потом коснулась свежей ссадины на его щеке. – Ты?..

– Только царапины...

Она посмотрела на потолок – не то коротко благодаря, не то спрашивая о чем-то.

– Не волнуйся, – Ким осторожно привлек ее к себе. – Машина – ерунда, железо...

– О господи, – сказала она еле слышно.

Глава 3

Март был очень теплый.

Кимов шеф был выдвинут на Государственную премию. Из других клиник схожего профиля поступали невнятные, но неизменно оптимистичные новости. Внезапная положительная динамика больше никого не удивляла; собственно, врачи теперь нужны были только для того, чтобы расшифровывать графики и описывать снимки. Мы наблюдатели у конвейера, говорил коллега Кима из соседнего отделения, но в словах его не было горечи. Ему – коллеге – и прежде случалось быть бессильным зрителем, только тогда конвейер тащил пациента в страдание и смерть, а теперь – в здоровье и жизнь; коллега по-прежнему не понимал природу чуда, но надеялся, как и многие, что большого вреда от него не будет.

Ким Андреевич не удивился, когда среди его знакомых, близких и дальних, не нашлось никого, кто знал бы подростка лет пятнадцати, склонного к фантазиям и ночным одиноким прогулкам мальчика, придумавшего себе самоназвание «Пандем».

Тем временем Аринины анализы были спокойны, как изваяние спящего ангела. Ни намека на патологию; Арина тем не менее скатывалась в депрессию, и с каждым днем все скорее. Если до происшествия на скользкой трассе Кимова же на просто нервничала перед родами, то вскоре после аварии

потребовалась консультация специалиста. Прогулки, травы, обтирания, исключение стрессов (насколько это возможно) – все предписания заботливой тетушки с молоточком были выполнены в полном объеме, но Арина оставалась мрачной, нервозной и замкнутой.

Она честно боролась с собой. Пыталась работать. Часами выхаживала по парковым дорожкам. Прячала от Кима слезы.

– Это биология, – говорила она. – Всего лишь химические процессы в моем мозгу... Предродовой психоз. Ничего особенного. Здесь душно, давай откроем форточку...

Ким взял отпуск. При нынешнем положении дел в клинике это было совсем не трудно.

– Говори, – просил он всякий раз, когда Арина снова проваливалась в свои страхи.

Ей было неловко. Он почти принуждал ее.

– Я виновата в том, что Витя...

Витей она называла их первого сына – того, что родился мертвым.

– Ерунда.

– Когда я его носила... Я не говорила тебе... Но у меня было совершенно четкое ощущение, что мир сошел с ума. Что нас окружают чудовища, что будущее состоит из одних только катастроф. Не говори мне, что это психоз, я сама прекрасно знаю. Я думала: вот я дам жизнь новому человеку, беспомощному... И вдруг война. Или чума. Или еще какая-нибудь напасть. Куда я его выпускаю, зачем? Мне было очень трудно

выпутаться из этих мыслей. Я пыталась. Я барахталась, слушала музыку, представляла себе сад в цвету и как мы с Витей гуляем по этому саду. Но он все равно замер... Я спрашиваю себя: может быть, он услышал? Не говори мне, что это бред, я сама тысячу раз говорила... себе. Я честно пытаюсь быть сильнее. Но после того случая с аварией... Вру, еще раньше... У меня появилось чувство, что все повторяется. Что я снова боюсь. Посмотри вокруг... Посмотри телевизор... Посмотри на людей на улице – у них же лица серые! А он – он слышит мои мысли. Ким, я это тебе не затем рассказываю... Я буду бороться, ты не думай. Я думаю о нашем мальчике, воображаю, какой он будет здоровый, счастливый и как я горло перегрызу всякому, кто хоть чуть-чуть его обидит... Ким?

Он обнял ее и долго рассказывал о своей клинике. О пациентах, которые выжили. О том, что все переменится. Что проклятую машину будто принесли в жертву – она сгорела, отводя все напасти от Арины, от ребенка, а может быть, и от целого города. Что в небе над ними будто рука, защищающая от напастей, будто зонтик, большой и надежный, что надо просто жить, радоваться каждому дню и что пора покупать коляску...

Вероятно, он умел ее убеждать. Она расслаблялась в его руках, засыпала спокойно – без таблеток. Он лежал рядом и надеялся, что просветление ее – надолго. Хотя бы на несколько дней.

Иногда он оказывался прав.

* * *

Однажды утром Арина почувствовала себя настолько спокойной и уверенной, что, взявшись за работу, одним махом закончила несложную композицию, мариновавшуюся на рабочем столе вот уже месяца два. Сделав работу, Арина ощутила прилив вдохновения; она тщательно прибрала в квартире, отполировала тряпочкой все до единой безделушки на комоды и наконец затеяла переворот в большом платяном шкафу.

– Погуляй, – сказала она, разглядывая Кимово лицо в бледном зеркале, закрепленном на внутренней стороне скрипучей дверцы. – Серьезно, Кимка. Тебе очень надо. А?

Был понедельник. За окном моросил дождь.

Сознавая Аринину правоту, Ким безропотно натянул кроссовки, вытащил из кладовой заскорузлый футбольный мяч, помнивший запах осенней травы, и отправился на пятючок за гаражами, туда, где из-под влажного бурого ковра выбивались первые зеленые ленточки.

На мокрых кустах сидели, сливаясь с серыми ветками, воробы. Неприличная надпись на дверце гаража была замазана розовой краской; Ким положил мяч на прошлогоднюю траву в центре лужайки. Сбросил куртку и пустился бегом – по кругу, по кругу, как цирковая лошадь, сперва медленно,

а потом все ускоряя темп.

Мелкий дождик сменился снегом. Возможно, последним этой весной. Снег валил все гуще; Ким бежал, слушая свои шаги.

Буро-зеленая лужайка становилась белой. Маленькая снежная шапка лежала на макушке старого мяча. Ким остановился под ржавой перекладиной, выросшей в развилки двух берез, подпрыгнул, ухватился, подтянулся, коснувшись подбородком мокрого металла.

...А ведь жена того пациента, Прохорова, до сих пор думает, что Ким – бездарный коновал, ценящий жизнь больного не дороже прошлогоднего рецепта!

Ким поднимал себя к небу и снова бросал вниз. Касаться подбородком перекладины становилось раз за разом все тяжелее, но он привычно превозмогал себя, подтягивался еще и еще; вот так, думал он, выдыхая воздух сквозь стиснутые зубы. Все будет хорошо, иначе и быть не может. Все будет хорошо...

В том, что машина перевернулась на скользкой трассе, нет ничего сверхъестественного, думал он. Правда, в одном комплекте с аварией мы имеем «чудо Верхнехацкого», как его окрестили по имени моего цепкого шефа. И мы имеем двадцать девятое февраля... Могут ли эти два – ладно, три – события быть связаны между собой? Ну, разве что своей упадочностью... то есть загадочностью. Ни первое, ни второе не имеет убедительного объяснения. А мальчик... Мальчик.

Информация переварена, или полупереварена, никакого вывода сделать не удалось, значит, нужна новая информация...

Он разжал онемевшие пальцы и приземлился на голый пятчик земли под перекладиной, черную лысину, протоптанную еще в прошлом году самодеятельными физкультурниками. Страхнул напряжение, как собака стряхивает воду, и обернулся.

– Добрый день, – сказал мальчик. Он стоял посреди лужайки, в коротком шаге от заснеженного мяча.

– Добрый день, – после коротенькой паузы отозвался Ким. Мальчик подтолкнул мяч носком ботинка. Оставляя за собой дорожку, мяч покатился к Киму и замер на полпути.

* * *

– Вопрос, откуда я взялся, давай сегодня не задавать... Мяч был скользкий, трава – мокрой. В юности Ким серьезно занимался футболом, но Пандем, по всей видимости, тренировался тоже. Ким не мог сказать, что возня с мячом не доставляла ему удовольствия.

– Почему?
Пандем финтил.

Погнавшись за мячом, они столкнулись плечами, Ким поскользнулся, но устоял. Пандем шлепнулся на заснеженную траву; несколько секунд они смотрели друг на друга – Ким сверху вниз, Пандем снизу вверх. Потом Ким протянул руку;

у Пандема были сильные, перепачканные землей пальцы.

– Почему? – снова спросил Ким, помогая ему подняться.

– Не сумею объяснить точно, – тихо сказал Пандем. – Врать, упрощать, передергивать – не хочу. То есть я могу, конечно, сказать, что самозародился, к примеру, в информационных сетях... Или что-то в этом роде...

– Ты меня гипнотизируешь? Морочишь? Не понимаю зачем.

– Ты же врач, – серьезно сказал Пандем. – Давай не прятаться за кокетливые ширмочки под названием «я сошел с ума».

«Он говорит не как подросток», – подумал Ким.

Пандем поддел ногой тяжелый мокрый мяч. Ударил сильно, без предупреждения – сыграл «в стенку»; мяч отскочил от Кимовых ног по невысокой дуге, и Пандем красиво, с лету, забил его в кирпичную стену гаража. Мяч отпечатал кляксу на желтом кирпиче и вернулся к Пандему под грязный ботинок.

– Значит, ты всеведущ? – Ким попытался отобрать мяч, но Пандем легко отступил:

– Нет. Но я много-ведущ. И мое знание возрастает ежесекундно.

– И когда же ты достигнешь всеведения?

– Никогда. Всегда останется малость, отделяющая меня от абсолютного знания. Она будет сокращаться и сокращаться, но никогда не исчезнет.

– Откуда ты знаешь?

Уводя мяч от Кима, Пандем снова ударил по стене, но промазал. Мяч укатился в щель между гаражами.

– Откуда ты знаешь? – повторил Ким.

Пандем виновато пожал плечами.

– Ты знал, что машина навернется на двадцатом километре? – тихо спросил Ким.

– Да. Но если бы твои пациенты не выздоравливали, а болели и умирали, как положено, – ты был бы внимательнее за рулем и не гонял бы по скользкой трассе. Я тоже виноват... Хотя все равно бы тебя вытащил.

Ким вытер лоб тыльной стороной ладони. В горле саднило – то ли от сырости, то ли от нервного смеха.

– Скажи... А машина перевернулась не по твоей ли воле? Может быть, без твоей воли и волос не упадет, нет?

– Нет, – сказал Пандем почти испуганно. – Машина перевернулась сама по себе.

– Что значит «сама по себе»?

– Согласно физическим законам...

– Извини, – Ким обхватил руками плечи. – Я принимаю тебя за кого-то другого... Так ты не всемогущ?

– Нет. Но мои возможности возрастают...

– ...ежесекундно.

– Да. Ваша клиника уже не уникальна, Ким. Так называемая «методика Верхнехацкого» работает по всему городу, в десятках городов, врачи сходят с ума... Знаешь, я ведь за-

хотел говорить с тобой еще и потому, что ты способен соотносить ценность своей карьеры и человеческой жизни.

– Не понял, – сказал Ким.

– Неважно, – мальчик махнул рукой. – Потом поймешь.

Ким долго смотрел на него. Пандем отвечал ясным, безмятежным, слегка ироничным взглядом.

– Я не верю тебе, – сказал Ким.

«Очень жаль», – сказал мальчик, не разжимая губ. Кима передернуло.

– Извини, – пробормотал Пандем. – Это этап. Это не сразу. Я понимаю, конечно.

* * *

– Да, – сказал могильщик, глядя на купюру в руках Кима. – Обычно в день по десятку, а сейчас – хрен ли! На прошлой неделе старикашка лет под сто, на позапрошлой – старуха... А так... Не мрут. Гробовщики лапу сосут. Прогорают. Оркестр простаивает. Блин. У меня курево закончилось... Хоть работу кидай. Хоть сам иди и кого-нибудь пристукни. – Он засмеялся, приглашая и Кима порадоваться шутке, но тот молча протянул деньги и пошел прочь.

Пандем ждал его на узкой скамеечке под жестяным флажком автобусной остановки. Сидел, спрятав ладони в рукава. Не говоря ни слова, Ким подошел и уселся рядом.

– Пока нет возможности устроить полное бессмертие, –

сказал Пандем, будто извиняясь. – Потом. Когда выйдем на звезды.

– Мы выйдем на звезды?

– Разумеется. Мы заселим весь космос. Еще при твоей жизни, Ким Андреевич. Твои дети, возможно, будут первыми бессмертными.

– Ты – сумасшедшая компьютерная программа? – неуверенно спросил Ким.

Пандем рассмеялся – веселый школьник, обаятельный девятиклассник из хорошей семьи:

– Я – паровая машина нового поколения. Искусственный мальчик на диодах и транзисторах. Материализовавшаяся ноосфера. Взбесившаяся программа, разумный вирус, да как угодно меня называй, я соглашусь и не обижусь... Послушай, Ким. Тебе осталось пройти совсем немного. Ты согласишься мне и... и успокоишься.

– Зачем тебе нужно, чтобы я поверил?

– Затем, что я хочу *посоветоваться*.

– Со мной?!

– Не только... За последние несколько дней я огорошил своим присутствием пару-тройку миллионов по всему миру. Разных людей, но в основном скептиков. Все они сейчас проходят свой путь, некоторые уже прошли... Они – островки, семена, вокруг них нарастет знание обо мне, как нарастет новая кожа вокруг подсаженных на рану лоскутков. Двадцать девятое февраля не повторится, нет, теперь-то я стал

умнее...

– Сколько тебе лет? – спросил Ким, содрогаясь от внезапной догадки.

– Я взрослою, – тихо отозвался Пандем.

– Скажи, – Ким облизнул губы, – ты бы мог... просто отменить взрыв? Или пусть бы машина вообще не перевернулась? Мог?

– Мог. – Пандем помрачнел. – Но ты уж меня прости... У тебя слишком здоровая психика, слишком уверенные представления о том, что бывает и чего не бывает. А после аварии твоя уверенность поплыла, картина мира ненадолго размылась, и в эту картину смог пролезть я, и ты не успел объяснить себе, что меня не бывает... Понимаешь?

Ким долго смотрел на него. Потом протянул руку; в сантиметре от плеча Пандема рука дрогнула, замерла. Киму пришлось сделать над собой усилие, прежде чем он коснулся сидящего рядом подростка.

– Это форма, – мягко сказал Пандем. – Мне не обязательно иметь человеческое тело, как ты понимаешь. Просто так – удобнее.

– Тебе?

– Тебе, – Пандем глядел на Кима по-прежнему весело и открыто. – Человек говорит с человеком. Это естественно.

Клиника была пуста. Перед телевизором скучали медсестры, уборщица лениво водила тряпкой по подоконнику. Двери в палаты стояли настежь – во все, кроме пары-тройки последних, где сохранилось еще несколько больных, либо слишком недоверчивых, либо намеренно спекулирующих вниманием сиделок и родственников.

Драгоценная аппаратура молчала. Лаборатория бездействовала. Большая часть персонала прохлаждалась в отпусках, меньшая сидела в кабинетах, бесцельно перекладывая бумажки.

Один только заведующий был при деле. Он заканчивал монографию и дикую – ненормальную – скорость создания столь фундаментального труда объяснил без кокетства:

– Гонки, мой мальчик. Кто первый опубликует исследование – тот получит все.

Ким глядел на стопку распечаток с диаграммами и графиками. Кто-кто, а шеф оставался в своем уме. Шеф был настоящим, обыкновенным, привычным, как вода, которая ищет дорогу вниз. Шеф переваривал чудо, подобно большому ходячему желудку, усваивал, превращая в источник благ; шеф был косвенным доказательством реальности Пандема. Одним из доказательств.

...В тесной комнатухе, отведенной под архив, пахло

странно и тяжело – как будто весь воздух клиники, прежний воздух, пропитанный болью и немочью, собрался теперь здесь, спрессовался вокруг старых шкафов, заняв последнюю линию обороны. Папка под названием «Прохоров» уже успела покрыться слоем пыли.

Ким уселся за канцелярский стол, над которым нависала хирургически-яркая лампочка в белом, как колпак медсестры, абажуре. Резкий свет упал на исписанные листы, описания исследований и результаты анализов; Ким извлек из-под бумаг рентгеновские снимки.

Вот первый, сделанный полгода назад в районной поликлинике.

Вот второй – спустя полмесяца в городской больнице. Вот третий, сделанный при поступлении в клинику; опухоль разрастается со страшной скоростью, не оставляя надежд.

Вот два последних – второй был сделан потому, что Ким не поверил первому.

Ким потянулся, чтобы открыть форточку. Спертый воздух архива давил на него, как больничная подушка.

* * *

«Систематизированный бред – стройная логичная система, объясняющая причины и механизмы возникновения того или иного явления. Проработан в мельчайших деталях, поэтому внешне правдоподобен. Как и любой бред, не подда-

ется коррекции, однако благодаря своей строгой логичности обладает свойством инфицировать окружающих. Как правило, систематизированный бред является застарелым и слагается много лет. В отличие от хаотического или ситуативного бреда внутренне непротиворечив».

* * *

Утром (пять ноль три на дисплее электронного будильника) Ким осторожно выбрался из-под одеяла и нащупал ногами тапочки.

Арина спала. В последние несколько дней ее депрессия и страхи, слава богу, почти совсем улеглись.

Ким пробрался на кухню и прислонился лбом к темному оконному стеклу. Внизу, во дворе, горели желтые фонари. Их отблеск лежал на белом боку холодильника, на циферблате лунных часов, тепло подсвечивал привычные очертания и детали *дома*, каким представлял его Ким и каким он нужен каждому человеку.

«Приснилось, – подумал Ким. – Сон. Все приснилось. Прочь. Вот и утро...»

Он открыл холодильник, вытащил пакет с яблочным соком. Взял с полки стакан; сок был холодный, такой холодный, что ломало зубы.

– Я не сплю, – сказал он вслух.

– Конечно, – тихо ответил Пандем.

Ким обернулся. Пандем сидел на стуле у окна, на том самом месте, куда Ким усадил гостя в его первый – после аварии – визит.

Ким осторожно поставил стакан на край стола. Поглядел, как скатываются по стенкам последние капли сока, как образуют на дне маленькое недопитое озеро.

– Ты реален?

– Вопрос о реальности окружающего мира, – Пандем улыбнулся, – не решен до сих пор. Ни в психиатрии, ни в философии. Устроим диспут?

– Если ты реален – где граница твоим возможностям?

– Уже далеко, – сказал Пандем. – Кое-какие тектонические процессы, темпоральные явления... есть ли смысл об этом говорить?

– Что ты можешь делать с людьми? – Ким остановился у окна, глядя на желтые фонари.

– Ким, – сказал Пандем, – я ведь не исследователь, не дрессировщик и не кукловод. Я ничего не собираюсь делать *с людьми*. Я хочу – *вместе* с людьми – покоя и счастья. Взрыва творческой энергии. Любви. Прорыва к звездам. Бессмертия. Того, чего достоин человек.

– Откуда ты знаешь, чего достоин человек? Что ты вообще знаешь о человеке? Что ты сделаешь с теми, кто не хочет покоя и счастья, а хочет крови и мяса? Рабов? Власти?

– Будем пробовать, – кротко отозвался Пандем. – Видишь ли, Ким, в моих ведь силах прямо сейчас, не поднимаясь со

стула, устроить всем-всем, младенцам и старикам, цивилизованным и диким – полное удовольствие от каждой прожитой минуты. Они будут ощущать себя счастливыми изо дня в день. Они будут подниматься с улыбкой и с улыбкой засыпать...

Ким обернулся от окна:

– Ты сказал, что ты не кукловод...

– Ты мне не доверяешь, – Пандем улыбнулся. – Боишься.

Ждешь подвоха... Почему *так* нельзя?

– Потому что это модификация. Запрограммированная личность перестает быть человеком.

– Тогда я верну тебе твой вопрос: что ты вообще знаешь о человеке? Почему несчастное бездумное существо, живущее от драки к совокуплению, более человек, нежели другое такое же, но счастливое и не опасное для окружающих?

Ким молчал. Небо светлело.

– Ладно, – Пандем вздохнул. – Ты меня прости... Я ведь в какой-то степени – ты. Я знаю, как тебе противна эта идея – модификация личности. Отвратительна... Но вот, скажем, отобрать у человека его фобию, его навязчивую идею – преступно?

Ким напрягся.

– Я не об Арине, – быстро сказал его гость.

Знает.

Через двор по диагональной дорожке брел дворник, мерно взмахивая невидимой в полумраке метлой.

– Психические заболевания, – тихо продолжал Пандем. – Патологии и пограничные состояния. Можно модифицировать? Не отвечай... Ты спросишь, где граница между патологией и нормой. Ты спросишь, как далеко можно зайти, однажды взявшись за воображаемый скальпель. Если корректировать поступок не убеждением и уж, конечно, не наказанием, а вмешиваться на уровне мотивации... погоди! Ты спросишь, с какой радости я вообще берусь что-либо корректировать. Я отвечаю: с той же самой, с которой ты берешься лечить больного. Вот я вылечил твоих пациентов успешнее, чем это выходило у тебя. Что, я не нарушил при этом правила, к которым ты привык? Что, мир, где люди не убивают и не унижают, слишком хорош для тебя? Что естественно, то неприкосновенно?

«Хорошо бы все-таки проснуться», – сумрачно подумал Ким.

– Не отвечай мне, – тихо сказал Пандем. – Я сейчас оставлю тебя в покое, ты просто перевари еще и это... И не беспокойся об Арине. Ей больше не угрожают никакие депрессии.

Он легко поднялся с табуретки. Ким увидел, что на ногах у него растоптанные тапочки, те самые, которые предлагались родственникам, зашедшим в гости.

Выйдя вслед за гостем в прихожую, Ким на всякий случай встал в дверях комнаты, где спала жена. Мальчик, кажется, не обратил на это внимания – стоя на одной ноге и упершись тощим задом в дерматин входной двери, он завязывал шнур-

ки на кроссовке. Шнурки были длинные, толстые и не очень чистые.

– Только, – сказал мальчик, выпрямляясь, – только, когда окончательно поверишь в мое существование... не ищи способов меня уничтожить. Потратишь время... Это первейший рефлекс – убрать неведомое, взорвать чужое, прихлопнуть непознаваемое. Но тебе же будет тошно от таких мыслей. Ты врач, а не убийца... А кроме того, я сказал тебе честно и совершенно искренне: если бы я выбрал путь модификации – все были бы уже счастливы, окончательно и давно-давно. И Арина, и ты... До свидания.

И он ушел, деликатно придержав пальцем язычок замка – чтобы щелчком не разбудить Арину.

Ким остался стоять в прихожей.

Глава 4

– Привет, brother, – сказал веселый голос в трубке. – У меня день рождения, я принимаю поздравления... Итак?

– погоди, – сказал Ким, пытаясь разлепить веки (на часах было восемь утра, заснуть удалось только час назад). – погоди... Какой сегодня день?

– Рабочий, – радостно уверил голос. – Скажешь, только что собирался мне позвонить?

– Я спал, – признался Ким. И прислушался к шуму воды в ванной: Арина уже поднялась.

– С чего бы это? – удивился голос. – Ах, ты же в отпуске, а я думала, ты, как всегда, забыл о нашем с Леркой дне рождения...

– Когда это я забывал о вашем дне рождения?!

– Чем орать, лучше поздравь меня ласково. И Лерке позвони прямо сейчас, а то она на работу уйдет.

– С днем рождения, Александра, – сказал Ким, потирая свободный от трубки висок. – Расти большая и красивая.

– Во-от, – голос в трубке был доволен. – Прости, brother, я честно не подумала, что ты еще дрыхнешь. Завтра в шесть у нас party, приходите с Аринкой к маме с папой, будем пить и безобразничать. Завтра в шесть, как понял, прием?

...Ким отлично помнил удивление, с которым отец сказал ему, вернувшись из роддома:

– Ты знаешь... Не братик и не сестричка.

– А кто?! – поразился семилетний Ким.

Отец со значением показал два пальца (как потом оказалось, он, почти не пьющий, в тот день опустошил объемистую бутылку коньяка):

– Две... две сестрички. Вот это номер!..

* * *

Арина проснулась в полвосьмого; как только она села на кровати, как только огляделась, протирая глаза, как только Ким поймал ее первый утренний взгляд – оказалось, что ей лучше. Еще некоторое время он боялся ошибиться – но Арина поднялась, улыбаясь, свободная от страхов и полная энергии: что сделать, чего купить, а не затеять ли пирожки...

– Пандем.

Темный экран телевизора засветился сам по себе, появился, как фотография в кювете; с экрана смотрел тот, кого назвали по имени, и столь эффектное его появление заставило Кима ощутить внезапную усталость.

На кухне Арина, напевая, позванивала посудой.

– Уйди, – одними губами попросил Ким.

Экран погас. Вместо Пандема Ким увидел свое отражение – искаженное, будто в кривом зеркале.

Арина вошла, вытирая руки маленьким оранжевым полотенцем:

– Я вот подумала... Мне к врачу на двенадцать, а потом я могла бы зайти в универмаг и купить девочкам подарки.

– Я сам, – быстро возразил Ким. – Никаких универмагов, лучше пройдишь пешком от поликлиники. А если будет дождь, так и вообще никуда не ходи.

– Мне снилось, что ты с кем-то на кухне разговаривал, – помедлив, сказала Арина.

– Да? – спросил Ким так удивленно, как мог.

– Крышку завинчивай, – Арина взяла с книжной полки незакрытую аптечную бутылочку. – Они же испаряются и во-
нюют.

– Ага, – сказал Ким и отвел глаза.

* * *

«Только время, – думал он, следуя от витрины к витрине, от отдела к отделу, от стойки к стойке. – Я мыслю ясно, ориентируюсь уверенно, помню себя твердо; существуют две только вероятности, только две, все прочие – производные от них. Либо Пандем существует, либо, к сожалению, я серьезно болен. Либо я болен, либо... Пандем существует, но он не тот, за кого себя выдает. Например, меня намеренно сводят с ума... ерунда. Меня вербуют куда-то... еще большая ерунда. Меня снимают скрытой камерой, это новая телепрограмма... а вот это точно разновидность бреда. Только время и выдержка, черт возьми, у меня нет возможности проверить,

мой ли мозг выстроил эту систему галлюцинаций. Если отместить с порога гипнотизеров, инопланетян, просвечивание лучами сквозь стенку – что останется? Останется двадцать девятое февраля, и если я бредил в тот день – значит, весь мир бредил...»

В универмаге былолюдно. Ким бродил, как в джунглях, то и дело возвращаясь по собственным следам. Натыкался на людей, извинялся, когда натыкались на него; все, что годилось в подарок сестрам, было неподъемно по деньгам, а все доступное в подарок не годилось.

– Извините, – сказал он в очередной раз, споткнувшись о чью-то ногу.

И поднял глаза.

Прохоров Виктор Антонович, учитель химии и биологии, еще месяц назад смертник, а теперь круглощекий и деловитый, стоял у прилавка канцтоваров, и рядом с ним имелась маленькая девочка в красном пальтишке.

Ким отпрянул.

Глаза Прохорова изменились – он узнал Кима.

– Здра-авствуйте, – сказал чуть нараспев. – Рад видеть...

– Деда, – сказала девочка и нетерпеливо дернула Прохорова за рукав. – Я выберу синенький и вон тот желтый.

Ким стоял, не зная, что сказать.

...Специалисты, отлично знающие свое дело. Для них пациенты были номинальными людьми, телами, механизма-

ми, записями в истории болезни, собранием анализов и диаграмм. Соотношение смертей и ремиссий зависело от везения да от профессионализма. «К *этому* нельзя привыкнуть», – когда-то говорил молодой еще, начинающий Ким, и его коллега, хирург – золотые руки, щурил холодные внимательные глаза: «Можно. Надо».

– Я тоже рад вас видеть, – сказал Ким. – Я тоже... Извините.

И поспешил прочь. Малодушно сбежал.

«Пандем...»

«Да, Ким», – голос внутри головы.

«Ах, черт... Будь ты неладен...»

«Поверни налево в стеклянную дверь, там бутик, примерочная за желтой занавеской, возьми любой свитер, спрячься в примерочной, поговорим...»

Тяжелая ткань закрылась, отрезая кабинку от пустынного отдела дорогой одежды. В высоком зеркале Ким увидел свое незнакомое лицо – бледное, с очень тонкими белыми губами; опустился на кожаный табурет, положил на колени синий, как небо, свитер – на три размера меньше, чем мог бы на себя натянуть.

...Мог ли он знать, что за дверью налево – этот самый бутик? Теоретически – да... Знал, да забыл...

«Ты нервничаешь. Ты начинаешь в меня верить. Твое представление о мире плывет».

Голос Пандема звучал внутри головы. Ким снова посмот-

рел на себя в зеркало, засмеялся – тихо, чтобы не смущать продавщиц. Боже мой, и это мужчина, хирург...

«Это нормальная человеческая реакция, Ким. Под слоем твоего страха и неверия имеется радость, естественное чувство при мысли о том, что кто-то должен был умереть – но живет».

«Пандем...»

«Хочешь, помогу тебе выбрать подарки сестрам?»

– Ты?! – спросил Ким слишком громко. Продавщица, шуршавшая полиэтиленом неподалеку от примерочной, подозрительно притихла.

«Ну конечно, я. Чему удивляться?»

* * *

Сестра Кима Александра вышла замуж в шестнадцать лет и школу заканчивала экстерном; по пятницам (и иногда по вторникам) замужняя Сашка ходила в школу вместо сестры Леры – в пятницу были сдвоенные уроки обожаемой Сашкиной литературы, а на вторник выпадала обычно сдача физкультурных нормативов. Ким знал, что «литераторша» прекрасно различала близнецов, зато «физкультурник» – нет.

Сашкин муж был старше ее на год и после школы поступил в военное училище. Характер у него был чудовищный – в первые месяцы после Сашкиного замужества Киму неоднократно случалось драться с будущим офицером, разры-

вать с ним отношения навсегда и снова, стиснув зубы, мириться. Алекс (а имена у юных супругов были одинаковые) будто поставил себе целью делать все наоборот и вопреки; отец его, преуспевающий адвокат, мостил сыну мягкую дорожку на юридический – тот с наслаждением послушался и пошел в казарму. Родители Кима переживали за дочь, родители Алекса приходили извиняться за сына, сама Александра готова была защищать мужа зубами и когтями (у Кима навсегда остался маленький шрам на мизинце – сестра в пылу полемики укусила). Так миновал нервный год; на втором курсе училища Алекс очень неудачно сломал ногу, был комиссован и до сих пор слегка прихрамывал.

Со временем его характер немного выправился: оставаясь упрямым, самоуверенным и желчным, Сашкин муж тем не менее обтесался и повзрослел. Их с Кимом отношения, прежде не особенно теплые, теперь сделались если не родственными, то по крайней мере товарищескими.

– О-о! Sister-in-law! О-о! My dear brother! Привет, красавцы! Ма-ама, они явились уже! Ариночка, я бы сказала, что ты прекрасно выглядишь, но боюсь, ты сочтешь это пошлым комплиментом, поэтому я промолчу, несмотря на то что ты выглядишь потрясающе... Жрать у нас особенно нечего, вы же не едите сюда пришли, а поздравлять именинниц и веселиться... Арина, есть безалкогольное шампанское. Алекс, забери со стола эту селедку, весь дом провонял, как затонувший сейнер... Нет, Ким, подарки спрячь пока, подарки

– за столом... Шурка, не вертись под ногами. Папа, забери Шурку, ну я прошу, дай ему какую-нибудь железяку раскрутить... Например, приемник старый...

На втором курсе журфака Александра родила сына – без отрыва от учебы. Младенца назвали недолго думая Александром; побывавший в рюкзаке-«кенгурушнике» на многих зачетах и даже лекциях, Шурка получился какой-то ненормально умный – уже в пять лет его отдали в школу для особо одаренных детей, и он блистал там, решая уравнения. Правда, с виду в Сашкином сыне никак нельзя было заподозрить «головастика» – здоровенный и краснощекий, он уродился характером в мать, а значит, был шумный, не очень аккуратный и чрезвычайно шкодный.

– Привет, дядь Ким! Привет, тетя Арина! Этот – младенец – еще не родился? А вы мне – это – его покажете, когда он?..

– Ну конечно, тебе – первому... Держи, – Арина сунула Шурке в руки керамический домик-подсвечник.

– Спаси-ибо! Какой ка-айф!

У Шурки была одна очень милая черта – он искренне радовался любому подарку вне зависимости от его цены и ценности.

– Поздравьте Лерку, – строго сказала Александра. – Она на кухне.

Ким взял второй букет цветов и по узкому, памяtnому с детства коридору прошел на кухню. От плиты обернулась точная копия Александры – такая же черноволосая, с высо-

кими скулами, с насмешливыми черными глазами женщина двадцати четырех – нет, уже двадцати пяти – лет от роду.

Валерия жила с родителями. Ни мужа, ни детей у нее не было.

* * *

«Пандем?»

«Да?»

Сашка обожала шумные праздники. Семейство сидело за большим столом – Александра с мужем и сыном, Лерка, Ким, Арина, родители и четыре Сашкиных подруги с двумя мужьями. Комната, не рассчитанная на такое количество народа, казалась раздувшейся, как переполненный чемодан.

«Пандем?»

«Не шевели губами. Зачем?»

Ким плотнее сжал губы и наклонился над тарелкой. Ему казалось, что он делает что-то запретное. Что в беззаботное общество родичей он принес мину, или опасную болезнь, или плохую новость.

Александра и Лерка восседали во главе стола плечом к плечу; Александра с детства любила играть в «одинаковцев» и, будучи уже взрослой, нет-нет да и покупала вещи в двух экземплярах – себе и сестре. Лера, одинаковой одежды никогда не любившая, в честь дня рождения уступила Александре и надела белый свитер-близнец; сидя за столом, сест-

ры казались отражением друг друга, и только Шурка, к этому моменту поселившийся в уютном домике-под-скатертью, мог свидетельствовать, что под столом на тете надета юбка, а на маме – черные брюки-клеш.

– ...Разрешите сказать тост! – папа, Андрей Георгиевич, поднялся. В свои шестьдесят с лишним он был импозантен, подтянут и моложав. – Я хочу поднять этот бокал – в первый, заметьте, раз! – за наших славных девочек, которые...

Гости выпили и загалдели. Ким потянулся за полиэтиленовым пакетом, заранее «заряженным» на спинке стула. Александре полагался альбом с репродукциями Моне; взглянув на подарок, его не склонная к восторгам сестра слегка разинула рот:

– Как? Ты... Ну ни фиги себе! Как ты догадался? Я на него уже месяц... Ну, Кимка, спасибо! Ну ты выдал!

Расцеловавшись с Александрой – звякнула посуда на покачивавшемся столе, – Ким извлек из пакета обувную коробку. Гости притихли; Лера открыла крышку и вдруг покраснела – белый воротничок свитера подчеркнул ее смущение, делая румянец глубже и ярче.

– Ну ты даешь, – только и проговорила Лерка.

В коробке лежали тонкие аквамариновые босоножки на высоком каблуке.

...Это ничего не значит, думал Ким, глядя, как Лерка топчется в коридор – примерить обновку. Это не довод, думал он, когда обнаружилось, что босоножки сидят на сест-

ре идеально. Я мог угадать их потаенные желания... Все-таки они мои сестры, я их неплохо знаю... Какие-нибудь случайные слова могли всплыть из подсознания... Подсознание могло само...

«Разумеется. Тем более такое замечательное подсознание, как твое».

Во внутреннем голосе звучала ирония. Ким едва удержался, чтобы не потрясти головой.

Мама смотрела на него с восхищением:

– Ты же никогда в жизни не дарил обуви!

– У нас с Леркой нога нестандартная, – горячо подхватила Александра. – Подъем большой, сто лет намучишься, пока купишь... Аринка, признавайся, это ты выбирала?

Арина отнекивалась. Ей не верили.

– Я их позавчера в универмаге примеряла, – отрешенно бормотала Лерка. – По-моему, эти самые. По-моему, в моем размере там была одна только пара... Ты что, за мной следил?

Кимова улыбка – он чувствовал – становилась все более напряженной. Жестко, по-спортивному работали растягивающие рот мышцы.

...Что, если вся эта вечеринка – плод его воображения? Нет ни мамы, ни сестер, ни Арины. Или – хуже – они есть, но склонились над ним, пытаясь разобрать хоть слово в его бормотании. А он лежит в больничной пижаме, смотрит в потолок, видит картины, не чувствует реальных прикоснове-

ний...

«Ким... Ты бы поменьше занимался собой. Они счастливы, между прочим».

«Я рад за них».

«Ну и ладушки. А я рад за тебя».

Подарки прочих гостей прошли почти незамеченными. Александрина подруга даже обиделась; к счастью, ее обиды хватило ровно на двадцать минут. Миновали подряд еще три тоста; гости расслабились, общий разговор распался на несколько шумных, мешающих друг другу болталок. Говорили о новостях, о каких-то интригах вокруг городской газеты, об общих знакомых, которых и Ким, и Арина видели в лучшем случае на экране телевизора. Арине было интересно; Ким почти не слушал.

«Пандем... А пациента Прохорова ты привел на встречу ко мне? Или это случайность?»

«Ты же знаешь, и почище бывают случайности... Он собирался с внучкой в универмаг. Я всего лишь задержал их у канцтоваров на две минуты дольше...»

«Кукловод».

Молчание. И секундное молчание за столом; Ким вскинул голову:

– А?

Но все смотрели не на него, а на Алекса.

– ...Совершеннейший козел, – продолжал Алекс как ни в чем не бывало. – Шаманские пляски на бубне. Да, знахари в

последнее время зажрались...

– У меня приятельницу знахарь вылечил, – нервно сказала Сашкина подруга. – У нее была опухоль... А теперь даже официальная медицина признает, что опухоли нет!

– Подумаешь, – сказал Алекс. – Вот у Кимки в клинике всех больных повыписывали. Говорят, здоровы. А поди знай, что с этими здоровыми случится через полгода.

«Ким?»

– Они здоровы, – сказал Ким сквозь зубы. – Я вчера в универмаге видел своего пациента. Он здоров.

Алекс улыбнулся той знакомой желчной улыбкой, которая когда-то доводила Кима до бешенства, а теперь только слегка раздражала.

«Я не кукловод, Ким. Мне противно быть кукловодом. Это все равно если тебе сказать, что ты взяточник...»

Ким криво усмехнулся:

«Иногда мне кажется, что ты ребенок, Пандем».

«Штампы, Ким. Стереотипы. Ты боишься меня – твое сознание защищается, ты ищешь во мне маленького и слабого. Чтобы хоть как-то со мной примириться».

– ...голый король. Да, он снял два-три крепких фильма, но эта последняя его премьера – более чем убожество...

– ...об этом парне, он талантлив, ему бы хоть толику вкуса...

– ...плотный текст. Трудно читать, с удовольствием вязнешь, как в киселе... Нет, как в бетоне!

«Пандем, зачем ты?..»

«Чтобы мир был таким, как должно».

– ...Да, вот вы смеетесь, а этот Спорников был в эфире на двадцать девятое февраля. На то самое двадцать девятое! И у него сидела целая студия гостей – в прямом эфире! Как-то он смог удержать панику, хотя у него самого в голове балаболили святые Екатерина и Маргарита...

«Пандем!»

«Да?»

«Ты читаешь мысли?»

«Я присутствую при их рождении».

– О господи, – сказал Ким шепотом.

Лера внесла в комнату двухъярусный торт со множеством свдвоенных свечей. Гости зааплодировали.

* * *

– Замечательная ночь, – сказала Арина. – Совсем весна.

«О чем я думаю? – спрашивал себя Ким. – О ерунде какой-то. Вот мокрый асфальт, вот бумажка на столбе, вот коробка из-под сигарет в луже... Но не могу же я все время прятать свои мысли! Не могу все время думать, что я думаю...»

– Ветра нет, – сказала Арина. – Если бы не так поздно – я бы прошлась... Кимка, что с тобой?

Ее ладонь приглашала спрятаться. От ветра. От себя.

Жаль, что у него такое большое лицо, а у нее такая узкая ладошка...

Пахло терпкими духами. Арина любила терпкие.

(Как во сне, когда видишь себя голым посреди проспекта...)

– Вернусь и вызову такси, – сказал Ким, но в этот момент из-за поворота выглянул большой автобус с «гармошкой» на брюхе.

(Я не хочу свидетелей! Я имею право быть в одиночестве... Внутри себя – наедине с собой!)

– Нам повезло, – сказала Арина автобусу. Потом вгляделась в Кимово лицо: – Ты пьяный, что ли?

(Неужели все это – порождение моего мозга?! Двадцать девятое февраля... Но этого щенка кто-нибудь, кроме меня, видел? Никто...)

Ким подсадил Арину на подножку. Салон был почти пуст, если не считать подвыпившего старичка, дремавшего на переднем сиденье, и подростка, рисующего рожицы на запотевшем стекле.

– Ким, ты вроде бы почти не пил? Что с тобой? – Арина села, в этот момент подросток у окна обернулся.

Автобус резко тронулся, Ким с трудом удержал равновесие.

– Ким Андреевич, добрый вечер! – поздоровался Пандем.

– Добрый, – глухо сказал Ким.

– Мы играли в футбол, – пояснил Пандем в ответ на во-

просительный взгляд Арины. – С Кимом Андреевичем. В понедельник. За гаражами.

– А-а-а, – Арина улыбнулась, как будто воспоминания о том дне были ей чрезвычайно приятны. – Ты еще пришел весь грязный...

– Да, – сказал Ким.

«Арина меня тоже видит».

– Да, – повторил Ким.

– Так мы соседи? – спросила Арина.

– Почти, – мальчик улыбался. – Только мне на одну остановку раньше выходить, чем вам.

– Это не опасно – так поздно домой возвращаться?

– Ни капельки не опасно!

«Ким, я ведь не человек, я часть мира, а ты ведь не стесняешься деревьев, неба... Не испытываешь неловкости перед морем... Тебя бы не смутило, если бы дождь слышал твои мысли...»

Автобус причалил к очередной остановке.

– До свидания, – сказал Пандем.

– Симпатичный пацан, – сказала Арина, когда дверь за ним закрылась. – Обаятельный.

Глава 5

В семь утра – Ким и без того почти на спал – позвонил Аринин брат, Костя.

– Ким? Прости, если разбудил...

– Ничего, – сказал Ким, выходя с телефоном на кухню.

– Иванке хуже, – сказал Костя и громко вздохнул в трубку.

Иванкой звали Костину годовалую дочку.

– Ким... Тут такое дело... Мы ночью «неотложку» вызывали... Ты не знаешь, не мог бы посоветовать, ну, какого-нибудь педиатра хорошего, ну, ты понимаешь...

– А что с ней? – спросил Ким.

– Температура, – Костя вздохнул еще громче. – Не спит... Каждые три часа приходилось сбивать. И сейчас поднимается...

– Я сейчас приеду, – сказал Ким и положил трубку. Быстро написал записку Арине – и уже в дверях замешкался:

– Пандем?..

«Твоей племяннице ничего не угрожает. Это простуда».

...Костя стоял посреди комнаты, держа в одной руке миску с водой и мокрой тряпочкой, в другой – градусник; большая неустроенная квартира (перекати-пыль под диванами, растрескавшийся потолок, обои, разрисованные недрогнувшей младенческой рукой) пропахла уксусом.

– Спит, – сказал Костя шепотом. – Вот только что уснула.

На кровати сидела Даша – бледная, в халате, со спящим ребенком на руках. Лицо ее выражало невыносимую, без всякой надежды скорбь.

– Привет, – шепотом сказал Ким.

– Мы ее вытерли уксусом, и она уснула, – повторил Костя.

У Иванки были длинные светлые ресницы. И она вовсе не выглядела такой уж больной – просто спящий ребенок. Зато Даша своим затравленным видом раздражала Кима все больше.

– Ну-ка, посмотри на меня, – сухо велел он. – Ты думаешь, от твоих слез ребенку будет лучше?

У Даши затряслись губы.

– Возьми себя в руки! – вполголоса приказал Ким. – Посмотри, на кого ты похожа... Да, дети болеют! И ты должна помочь ребенку, а не мешать ему!

– Не могу, – прошептала Даша. – Я не могу ее... Это я ее простудила позавчера. Надо было надеть сиреневый комбинезон, а я надела красный...

Она закусила губу, сдерживая рыдания.

– Перестань! – рявкнул Костя.

«Пандем?...»

«Она здорова. Температура упала полчаса назад».

Ким протянул руку – и осторожно коснулся Иванкиного лба.

– Слушай, а она... давно температуру?..

Даша потрогала дочкин лоб губами. Недоверчиво воззри-

лась на Кима.

* * *

По специальности Костя был инженер-станкостроитель, но за всю жизнь ему так и не пришлось спроектировать ни одного станка. Ничуть не печалась по этому поводу, Костя немножко торговал машинами, немножко чинил компьютеры, немножко зарабатывал извозом; одно время он даже собирался быть политиком, но выборы проиграл. Арина относилась к брату сложно – тот был на семь лет старше и совершенно иной по характеру. Всегда веселый и легкий в общении, он никогда не планировал жизнь дальше следующего утра, и его радостное равнодушие по отношению ко всем, включая ближайших родственников, подчас бесило сдержанную и обязательную Арину:

– Все детство он меня терял! Пойдет куда-то, а меня забудет в песочнице или на скамейке. Я иногда ревела, а иногда и радовалась. Мама работала с утра до ночи... Забирал меня из садика, мои воспитательницы пытались ему, десятилетнему болвану, внушить, чтобы трехлетнего ребенка посреди людной улицы не бросал. Куда там... Помню, на обратном пути он покупал селедку и мороженое, сам ел и меня угощал. Помню вкус этой селедки... пополам с мороженым... Ботинки мокрые по колено... песок на зубах... Я ведь его обожала, все-таки старший брат...

Костя улыбался, слушая эти воспоминания. Он был коренастый, круглолицый, с прямыми светлыми волосами, с милыми ямочками на щеках. В свои двадцать девять он выглядел, как студент-младшекурсник, и встречные девицы на улице нет-нет да и бросали на него заинтересованные взгляды.

«Слушай, Пандем... А он Дашке изменяет?»

«Не отвечу».

Ким почувствовал себя глупо. Очень неловко ощутил себя – как будто, рассказав анекдот на грани фола, вместо смеха получил в ответ удивленные, разочарованные взгляды.

«Извини...»

«Никогда не извиняйся передо мной. Излишне».

* * *

– Ты можешь сделать небо зеленым? Или сиреневым? Изменить состав атмосферы таким образом, что...

– Могу. Но для этого не обязательно менять состав атмосферы. Я могу сделать так, чтобы люди *видели* небо сиреневым.

– Так... А чтобы я *видел* Арину, например, чужим и опасным человеком – ты можешь это сделать?

Они сидели на берегу пруда. Щели скамейки были залеплены комочками засохшей жвачки – много килограммов жвачки, белой и розовой. Наверное, малолетние влюблен-

ные, столь ценившие эту скамейку в сумерках, сперва все-таки вынимали жвачку изо ртов, а уж потом целовались...

– Хорошо, – вздохнул Пандем. – Прикажешь убить твоих пациентов обратно? Или затолкать тебя обратно в машину за секунду до взрыва?

У самого берега плавали утки. С надеждой глядели на Кимовы руки. Хлеба не было.

– Но ты приписываешь мне все глупости, которые твое сознание связывает с картинкой «человек при огромной власти», – продолжал Пандем. – А я совершенно не человек и на человека не похож. Я – ожившее понятие, если хочешь... Если это неуклюжее определение тебе в чем-то поможет.

Газон вокруг скамейки был лыс и черен, будто старая автомобильная крышка, и только возле одной круглой, как копыто, чугунной ножки виднелись первые норки дождевых червей.

– Сперва на Земле откуда-то взялась жизнь, – со странным удовлетворением сказал Кимов собеседник. – Затем у жизни откуда-то взялся разум, затем у этого разума откуда-то появился Пандем...

Он протянул руку над влажной черной землей. Земля зашевелилась; мелькнули белые ниточки корней, выглянули свернутые в трубочку листья, расправились и полезли все выше и выше, к небу и к протянутой над ними руке. Широко, будто удивленные рты, раскрылись бледно-фиолетовые пушистые цветы с оранжевыми тычинками. Запах, от которого

Киму захотелось дышать чаще, расплзся над землей почти осязаемым облаком.

– Это весна, – тихо сказал Пандем. – Вспомни, когда ты был ребенком – ты умел доверять.

Газон вокруг зеленел. Повсюду поднимались желтые головки одуванчиков.

– Если бы я хотел тебя заставить, – еще тише сказал Пандем, – ты уже сейчас был бы моим лучшим другом. И верил бы мне, как младенец – маме.

И вытащил из кармана засохшую булку. Утки оживились.

– В моих силах уничтожить болезни вообще. Не только смертельные, но и насморк. Даже порезы и царапины будут мгновенно заживать. Медицина превратится в анатомию – описательную науку для любознательных. Фармакологии не будет. Роды станут личным делом роженицы... Все младенцы выживут, все без исключения доживут до глубокой старости.

– Врачи мира очень удивятся, – глухо сказал Ким. – Врачи, фармацевты, страховые фирмы...

– Ты – лично ты – готов смириться с тем, что все твои знания, умения, опыт и авторитет больше никому не нужны?

– Готов, – сказал Ким, глядя на трапезничающих уток.

– С остальными я тоже договорюсь, – пообещал Пандем. – Эйфория будет сильнее разочарования, вот увидишь... Далее: я думаю оставить в прошлом все без исключения вооруженные конфликты. Армии разойдутся по домам, высвобо-

дятся колоссальные ресурсы...

– Драки на школьных дворах ты тоже прекратишь? И если прекратишь, то как?

Пандем заложил руки за голову:

– Что ты скажешь, если персональный педагог, понимающий ребенка лучше, чем ребенок понимает себя, присутствующий рядом в каждый момент его, ребенкиной, жизни, поможет ему разрешить конфликт без драки? Либо в случае надобности «организует» драку так, чтобы вместо членовредительства из нее вышел воспитательный эффект?

– Ладно, – помолчав, сказал Ким. – Ты что-то там говорил про армии?

– Да. И если ты воображаешь себе толпы безработных людей, которые вчера были армейскими офицерами, или полицейскими, или членами парламента, и вот теперь рыщут, голодные и злые, в поисках куска хлеба или смысла жизни...

– Как? Парламенты – тоже?

– А зачем они нужны, Ким? Останутся правительства как система администраторов. Все. Никаких законов не будет, потому что законы уравнивают, а люди – уникальны. Я – внутри каждого человека, воспринимаю его как индивидуальность и говорю с ним без свидетелей.

– Управляешь?

– Я не манипулятор. Я собеседник.

– Это... принципиально?

– Совершенно.

– Ты... не врешь?

– Чтоб я сдох, – серьезно сказал Пандем. – Крест на пузе... Ты знаешь, нынешняя моя оболочка уже не помогает нам общаться. Наоборот.

– А деньги? Что, деньги тоже не нужны? Банки, банкиры, ценные бумаги, биржи...

– Видишь ли... я могу уничтожить все светофоры в городе, все дорожные знаки и заменить их собой, своими советами-предписаниями. Я могу... надо ли? Нет, пусть отработанный механизм вертится, я могу оптимизировать его – ну и, разумеется, исключить злоупотребления. Так что... если со временем система отомрет – я не буду ее оплакивать. Но сносить ее специально – нет, не буду.

– Стало быть, ты не хочешь быть нянькой при человечестве? Вообще, какую степень свободы ты предполагаешь нам оставить? Убить кого-то или покончить с собой обыватель не волен. А обругать? А выбрать профессию, к которой, по твоему мнению, не способен? А жениться на стерве? А украсть кошелек?

Пандем забросил в озеро новую порцию булки. Утки не поддавались счету: прежде их было, кажется, четыре, а теперь не то шесть, не то восемь.

– Жесткое ограничение одно: жизнь до глубокой старости. Чуть менее жесткое ограничение – свобода и благополучие тех, кто вокруг. То есть женись на стерве, если стерва не против. Выбирай профессию какую хочешь. Что до кошелька...

вероятно, мы договоримся все-таки до необходимости уважать окружающих. Не только собственность...

– Кстати, да, собственность! Если у кого-то в сарае спрятан ресурс, позарез необходимый обществу...

– ...Взламывать сарай не будем. Договоримся, а если хозяин ресурса решительно заупрямится – что же, не будем настаивать. Найдем какой-то другой ресурс, а хозяину пусть будет стыдно...

– «Стыдно» – это наказание? Вообще, какие наказания нас ждут?

– Провоцируешь? – Пандем улыбнулся. – Никаких. Только те, которые ты сам готов на себя наложить... Лишить себя воскресной сигареты...

Утки нажрались, но уплывать не спешили.

– Хорошо... А как давно ты есть? Было ведь время, когда тебя не было? Был момент твоего рождения?

– Нет, – Пандем стряхнул крошки с рукава. – Я не родился и не пришел, я – возник. Время, когда меня не было, оставило по себе совокупность знаков. Я вижу их в земле, в живых и мертвых языках, в твоём лице...

– Скажи... – Ким запнулся. – А... повернуть время вспять?

– Сейчас – нет. Потом – наверняка.

– А воскресить мертвого?

– Да. Но зачем? Мертвых будет не так много.

– А летать?

– А ты хотел бы? – Пандем улыбнулся.

Ким почувствовал, как скамейка уплывает из-под него. Как он поднимается, будто в детском сне, и зависает в плотном упругом воздухе.

– Руками маши, – сказал Пандем снизу.

– Вер...ни, – проговорил Ким. И скамейка вернулась на прежнее место.

– Страшно? – спросил Пандем.

Ким судорожно, по-куриному кивнул.

– Весь твой опыт говорит, что меня не бывает, – мягко сказал Пандем. – Это естественно. Ты привыкнешь.

* * *

В церкви пахло весной, воском и ладаном. Огоньки свечей заворачивали, люди казались темными силуэтами, донными рыбинами в прозрачной холодной воде – каждый сам по себе, каждый наедине с собой.

Ким долго, вопросительно разглядывал светлые лица под золотыми нимбами. Неумело перекрестился; стоявшая рядом старушка заворчала с осуждением. Не дослушав ее инструкций, Ким тронул Пандема за рукав и двинулся к выходу; заскорузлые ладони нищих протянулись, как листья. Ким выгреб мелочь из кармана и положил по монетке на каждую ладонь.

Под солнцем было почти жарко. Всюду, где только име-

лась свободная от асфальта земля, зеленели ростки и стебли, и первый одуванчик – на безопасной короткой ножке, но вызывающе желтый – выглядывал из-под церковной ограды.

– Скажи... – начал Ким. – Скажи, столько народу во всем мире надеются и ждут... Почему ты явился ко мне? Который не ждал? Которому тебя не надо?

– Они ждут не меня, – тихо отозвался Пандем. – Это было бы нечестно.

* * *

«...Итак, я собеседник. И единственная причина, по которой я стану вмешиваться в мозг напрямую, – психическое расстройство, не поддающееся иной коррекции».

Ким сидел в вагоне метро, в самом углу. В темных стеклах отражались люди, читающие, дремлющие, глазающие по сторонам, висящие на брусках поручней либо вольготно развалившиеся на дерматиновых диванах; напротив Кима сидела пухлая растрепанная блондинка, увлеченная пухлой растрепанной книгой, и в окне за ее спиной Ким мог видеть собственное лицо. Стекло было кривое, а потому глаза и лоб Кима казались гротескно-огромными, как в страшном мультфильме.

«Хорошо. Что будет с теми, кем забиты тюрьмы и колонии? Как ты видишь их будущее – тех, кто был осужден на пожизненное, допустим, заключение? За убийства, поджоги,

изнасилования? Где им место в твоём мире?»

«Там же, где и всем. Наказанием им будет раскаяние, и уверяю тебя, оно гораздо более действенно, нежели тюрьма».

«Ты наивный! Господи, ты с такой властью – такой наивный!»

Ким видел в зеркале темного окна, как шевелятся его губы и как нервно блещут глаза. Как сухая старушка, сидящая рядом и тоже отраженная стеклом, раз и другой на него косится.

«Ты не веришь в совесть?»

«А кто будет совестью? Ты? Жужжание пчелки в большой бритой голове: убивать нехорошо? Как тебе не стыдно? Так?»

«Нет, Ким... Ты забываешь, что я – это каждый из них. Я вижу их изнутри. Каждое колебание, каждое хотение и каждый страх. Каждая минута памяти. Мир, который они видят не так, как ты. Их мир иерархичен, и для начала я просто займу верхнюю ступеньку. А потом... Кое-кому мне удастся вправить вывихнутое представление о жизни, прочих сделаю по крайней мере безопасными для окружающих».

«Только словом?»

«Я собеседник».

«А если они откажутся слушать тебя?»

«Я сумею договориться. Напугаю, подкуплю. Всем им что-нибудь нужно».

Поезд затормозил – стоящие пассажиры качнулись впе-

ред, как лес под порывом ветра. Сидевшая напротив блондинка, будто внезапно проснувшись, вложила в книгу палец вместо закладки и поспешила к выходу; на ее место опустился нетрезвый старикашка лет сорока, одутловатый, с «очками» серой кожи вокруг воспаленных глаз. На его брезентовой куртке, когда-то светлой, имелась надпись «Boss».

«А что скажут родственники жертв? Когда увидят убийц, ненаказанных, преспокойно разгуливающих среди людей?»

«С родственниками у меня будет совершенно отдельный разговор... Видишь ли, вот ты видишь людей категориями, группами: «родственники», «пациенты», «пассажиры»... Я вижу каждого в отдельности. Только человек. Этикетки не имеют значения... Поэтому не будет законов. Закон уравнивает».

Сидящая рядом старушка разглядывала теперь пьяного на сиденье напротив; что-то глубоко личное было в ее взгляде.

«Как с этим?»

«Просто. Он будет пить – будто воду. И с тем же результатом. И никогда не опьянеет – ни от чего».

«Все вино на свете превратится в воду?!»

«Нет, вино останется вином... Но воздействовать будет на каждого человека по-разному. Веселая эйфория – да, будет. Мертвецкое опьянение – нет. Мозг, характер, печень, воля пьющего человека останутся в сохранности».

Поезд притормозил. Остановился посреди тоннеля. В вагоне было очень тихо – напряженная, неестественная тиши-

на.

«Пандем? Что там?»

«Предыдущий поезд отстает от графика».

«Ты можешь подтолкнуть его?»

«Ты считаешь, надо?»

Поезд зашипел, как большая змея. Тронулся.

«Это ты?»

«Нет, он сам».

«Где границы твоего вмешательства?»

«Они же не врыты в землю, как забор. Зависят от обстоятельств».

«А если кто-то попытается убить? Как остановишь?»

«Словом. Я собеседник».

«А если не выйдет?»

«Сумею остановить иначе».

«Как?»

«Например, он поскользнется и упадет».

«Это поддавки. Он же не может все время поскользываться...»

«Огнестрельное оружие придет в негодность... все, везде и всюду. А тех, кто лезет с ножом к чужому горлу, придется слегка урезонить... ты не против?»

«Естественная агрессия... кастрировать общество, подменить живое – куклами...»

«Никто никого не лишает естественной агрессии. Грызитесь, пожалуйста, но только без членовредительства. Ника-

ких смертей на ринге».

За окнами была уже новая станция. Рядом с нетрезвым гражданином уселся крупный школьник, такой широкоплечий, что гражданин, обиженно щерясь, задвинулся в угол сиденья.

«Посмотри на этого мальчика, Ким. Он умеет совсем не думать. Вернее, он думает только о том, что видит, да еще иногда о женщинах, которые будут скоро все его. Это несчастное, вдавненное в землю создание, а ведь теперь у него есть будущее...»

«Теперь это будет счастливое, воспарившее в небо создание?»

«А он хороший мальчик, не подлый. У него будет, как и у тебя, любимая работа, любимая жена... Он не виноват, что в роду у него вереница алкоголиков, что детство его прошло под крики и окрики на грязном дворе, в стылом доме и плохой школе... он такой же, как ты. Я дам ему шанс».

Глава 6

– Это по поводу Лерки, – голос сестры Александры был несколько напряжен. – Я знаю, ты еще в отпуске, у тебя есть время.

– Я приеду через час, – сказал Ким.

...Итак, Лерка. Под сенью сестры Александры, которая вечно попадала в какие-то передряги, заставляя родителей волноваться и гордиться попеременно, смиренная Валерия казалась почти невидимкой, надежной и тихой, молчаливой до скрытности. Ни один претендент (а яркая красота сестер бросала парней к ногам не только Александры) не был достаточно хорош для нее. Она отваживала их вежливо, но непреклонно; учеба и книжки занимали все ее свободное время, а еще она любила гонять на велосипеде – до того самого дня, пока не сочла вдруг, что это неприлично. Она писала стихи – правда, их не видел ни один человек, включая мать и сестру, и сам Ким обнаружил это совершенно случайно – из сумки сестры вывалилась толстая тетрадь, он поднял ее и, прежде чем закрыть, механически прочитал несколько строчек; Лерка взяла тетрадь у него из рук, не вырвала, а именно взяла, но в этом повелительном жесте было такое возмущение, что Ким не решился расспрашивать.

Больше он никогда не видел этой тетрадки. И мама, как выяснилось спустя много лет, не видела тоже.

Бурное отрочество Александры завершилось ее замужеством; тихое отрочество Лерки длилось и длилось, превращаясь в обузу, во всяком случае для родителей. Говорить с ней по душам не было никакой возможности – ни в детстве, ни теперь. Она молчала, спокойно улыбаясь, и не шла на откровенность ни с кем; эта стальная поверхность под изумрудным газоном внешнего спокойствия временами восхищала Кима, ему казалось, что из сестры вышел бы отличный хирург – но Лера была учительницей английского языка. Каждое утро она шла в гудящую, как трансформатор, очень среднюю школу и на три четверти ставки учила малышей стишкам, как заклинаниям, а подростков грамматике, как тарабарской брани. Недостаток денег восполнялся частными уроками. Ким молча считал, что Лерка занимается не своим делом.

Личной жизни у Леры Каманиной не было никакой – вплоть до прошлого лета, когда она невесть как познакомилась с Игорьком. Тот называл себя продюсером, носил темные очки и просторный пиджак песочного цвета; он был сноб, держался уверенно и говорил красиво, затягивался со значением, выпускал сигаретный дым с глубоким подтекстом. Что именно он спродюсировал и каковы его творческие планы, никому так и не удалось узнать, но Лерка, прежде закрытая и молчаливая, сделалась теперь упрямой и замкнутой; вероятно, глубоко внутри она прекрасно понимала ничтожество своего избранника, и столкновение меж-

ду этим знанием и страстной, жертвенной любовью делало Кимову сестру невыносимой.

Роман с продюсером продолжался несколько месяцев и оборвался, оставив Леру опустошенной и несчастной. Все вздохнули с облегчением – бестолковый угар этих ссор-примирений успел вымучить не только родителей, но и Кима, и Александру. Прошел месяц, Лерка едва-едва начала возвращаться к жизни, когда телефон, как на грех, снова разразился продюсерским звонком. Новый год был нервным, запах елки мешался с едким благоуханием сердечных капель, Лерка со своим продюсером исчезли на три дня, и Ким в какой-то момент счел, что прикрикнуть на маму – единственный способ прекратить зарождающуюся истерику...

Потом Лерка появилась, бледная и отрешенная, день пролежала лицом к стене, вечером вышла на кухню и сказала маме, что Игорек, разумеется, женат. С тех пор прошло три месяца, Лерка благополучно овладела собой и вполне избавилась от болезненной привязанности, тем не менее звонок Александры не мог означать ничего другого, кроме...

«Пандем?»

«Да?»

«Как ты собираешься решать проблемы взаимоотношений мужчины и женщины?»

«Никак. Это личное дело каждого человека».

«Хорошо... Я могу закрыть вопрос с Игорьком прямо сегодня. И он больше никогда не позвонит моей сестре...

Имею ли я право так поступать?»

«А почему ты меня спрашиваешь?»

Ким задумался. И правда, почему? Он так давно не пользовался ничьими советами...

«Хорошо, ладно. Мы с тобой – и ты, и я – знаем, что Лерка не особенно счастлива. Ты представляешь себе, какая встреча или иной поворот судьбы способны переменить ее жизнь к лучшему?»

«Да».

«Ты это сделаешь для нее?»

«А ты? Ты спрашивал меня, следует ли тебе поговорить наконец с Игорьком... Что это, как не поворот судьбы?»

«Я могу прогнать Игорька, но ничего не могу дать взамен».

«А я могу привести к ней на встречу человека, с которым ей будет лучше, чем в одиночестве. Без моего вмешательства они никогда не встретятся. Слишком маловероятное событие... Но тогда ты скажешь, что я кукловод. Или сваха. Или еще что-нибудь обидное... Нет?»

«Не знаю».

«Во-о-от... На одной чаше весов пусть будет счастье Лерки – не гипотетическое, а вполне реальное. А на другой – мое право на вмешательство. Если в вопросах, касающихся жизни и смерти, я буду решителен – то в вопросах так называемого счастья...»

«Если Лерка – сама – попросит тебя?»

«Проще. Но ситуация касается ведь не только Лерки. Второй человек...»

«А если он тоже попросит?»

«Совет да любовь».

* * *

– Игорь Жанович у себя... Простите, а вам назначено? Как вас представить?

Ким огляделся. Ничего себе офис, с рыбками пираньями в аквариуме, с тяжелым секьюрити (или как они называются?) на стуле у входа.

– Ким Андреевич Каманин, по поручению Каманиной Валерии Андреевны.

Секьюрити смотрел со своего стула – без неприязни, но и без радости.

– По коридору, налево, – сказала секретарша после коротких селекторных переговоров.

Ким зашагал по ковровину, буро-зеленому и плотному, как слежавшаяся прошлогодняя листва. Над головой остро светились встроенные в потолок лампочки; Ким нажал на ручку тяжелой двери и бесшумно, будто охотник в логово, вошел в продюсерский кабинет.

Хозяин восседал в черном кожаном кресле с высокой спинкой. К чисто выбритой щеке его доверчиво прижимался телефон, на месте глаз бликовали темные стекла очков;

помещенный в естественную среду обитания, Игорек выглядел солидно и внушительно. Прикрывая дверь, Ким как бы ненароком повернул колесико замка-защелки.

Игорек говорил с кем-то – отрывисто и властно. Кивнул Киму, приглашая сесть и подождать; Ким сел и дождался. Игорек закончил разговор не терпящим возражений приказом, положил трубку на широкий черный стол, обернулся к Киму:

– Вы от Леры? Вы ее брат?

– Да, – сказал Ким.

– Не понимаю, зачем Лере понадобилось вмешивать посторонних, – Игорек поморщился. – Говорите. У меня пять минут.

Ким встал. Обошел комнату, лавируя между черной кожаной мебелью; остановился прямо перед Игорьевым креслом, присел рядом на край стола.

– В чем дело? – резко спросил Игорек.

Ким протянул руку и снял с него очки. У Игорья оказались голубые, удивленные глаза с широкими зрачками.

– Да как ты...

Ким поймал Игорья за запястье и опрокинул обратно в кресло. Игорек молча рванулся к телефону. Ким снова его опрокинул и навалился сверху; обе Игорьевы руки утонули в трясине кожаных подлокотников, причем левую руку Ким придавил коленом.

– Оставь ее в покое, – просто, почти равнодушно сказал

Ким.

– Ты, сука...

Ким взял Игорька за горло. Горло было мяконькое, с подергивающейся гортанью, с упруго пульсирующей сонной артерией.

– Ты соображаешь, во что вляпался?! – прохрипел Игорек.

– Это ты вляпался, Игорь. Ефим Кабанов – знаешь такого? – обязан мне жизнью сына. Если я захочу испортить тебе жизнь, никто мне не помешает, – он сдал палцы чуть сильнее. Круглые глаза Игорька полезли на лоб, не столько от удушья, сколько от звука произнесенного имени.

– Ты...

– Я. Запомни, что я сейчас скажу. Валерия Андреевна не желает тебя знать, не желает тебя видеть, не станет с тобой говорить. Если ты еще хоть раз доставишь ей труд послать тебя по телефону – с тобой будут говорить совсем другие люди... Ты понял?

– Отпусти... ых-х-х...

– Ты понял?

– По... нял...

...Выходя из кабинета, Ким наступил на отлетевшие в сторону темные очки. Разумеется, совершенно случайно.

Уже выйдя из офиса, уже проехав несколько остановок на метро по дороге домой, Ким вдруг понял, что с того самого момента, как он увидел секретаршу и рыбок пираний в аквариуме, он ни разу не вспомнил о Пандеме и вел себя так, будто никакого Пандема не существовало; экскурсия к Игорьку обернулась визитом в прежний мир, где никто не стоял за спиной, не шептал на ухо, не читал мыслей.

«Пандем?»

«Да?»

Он не нашелся, что сказать. Ему почему-то стало неловко.
«Я чем-то тебя обидел, Ким?»

Стены вагона пестрели картинками; Ким разглядывал рекламу средства от простуды: преисполненное здоровья семейство глянцево радовалось круглой, как вынутый глаз, белой таблетке.

«Ким, тебе не стоит заботиться о том, как ты выглядишь в моих глазах. Ты пока не научился мне доверять – но ты никому не доверяешь, кроме, пожалуй, жены, да и она кажется тебе ребенком, не вполне приспособленным к жизни... Не беспокойся, никто не посягает на твое право решать и устраивать, оберегать и организовывать. Ты остаешься хозяином своей судьбы, мужем своей жены, отцом своего ребенка, братом своих сестер, сыном своих родителей... Кстати,

вздумай я модифицировать Игорька, как бы ты на это посмотрел?»

Глава 7

Первыми пришли родители Кима, чинно уселись рядышком на диван, и Арина повела с ними светскую беседу, в то время как Ким нарезал скальпелем колбасу, ветчину и желтоватый плотный сыр. Светлое лезвие отхватывало ровнехонькие, прозрачные, идеально правильные ломтики: Ким пребывал в состоянии свирепого сосредоточенного куража. В какой-то момент подумалось с грустью: как перед операцией...

Гости не знали, зачем он их собирает. Никогда прежде маленькая квартира не вмещала всего разнообразия Кимовых и Ариных родственников. Родители, получив приглашение, слегка встревожились; Александра удивилась, Лера насторожилась, а Даша и вовсе норовила отказаться, твердила, что ребенок будет нервничать, что ему будет неудобно и что они еще никогда не ходили с Иванкой в гости.

Когда заявила Александра с семейством, в маленькой квартире стало тесно. Шурку усадили рисовать на кухне, на свободном от приготовлений уголке стола. Алекс отправился курить на балкон, и Киму было бы спокойнее, если бы он оттуда не возвращался. Александра под видом хозяйственной помощи попыталась выведать у брата, какой праздник сегодня справляется; Ким честно пообещал рассказать все, как только большая семья соберется за столом. Слегка разо-

чаровавшись, Александра потеряла всякий интерес к нарезанию фруктов, вернулась в комнату и – Ким слышал через неплотно закрытую дверь – принялась рассказывать подробности очередного бульварного скандала. Мама успела дважды сказать «Ну надо же!», а Арина один раз: «Ну и ну!», когда в дверь снова позвонили, и оказалось, что это Аринин брат Костя с женой Дашей, а также хнычущим младенцем в рюкзачке.

– Здесь столько народу, – обреченно сказала Даша уже в прихожей. – Я говорила. Иванка не заснет.

– Уложим ее на кухне, – предложил беззаботный Костя. – И пусть дрыхнет.

Иванка очень кстати разревелась; Даша судорожно принялась высвобождать ее из Костиного рюкзака, но запуталась в ремешках и сломала ноготь о защелку. Костя добродушно потряхивал дочкой, и с каждым потряхиванием та ревела все пронзительнее; Ким отодвинул Дашу, которая сама готовилась заплакать, взял племянницу на руки и показал ей подвеску на люстре – красного с золотом танцора, которого Арина вылепила в позапрошлом году. В руках у танцора позванивали медные колокольчики; Иванка успокоилась и пожелала схватить игрушку. Люстра закачалась, Кимова мама испуганно вскрикнула, дверь балкона открылась, пропуская пропахшего дымом Алекса, и Даша что есть сил закричала из прихожей:

– Закройте балкон! Ребенок недавно болел!

Последней пришла Лерка – с работы, с занятий, и сразу попросила дать чего-нибудь погрызть, хотя бы яблоко.

Разумеется, было тесно. Разумеется, пришлось принести табуретки из кухни; рассаживая гостей, Ким прислушивался к тишине внутри себя, к странной тишине, которую не могли нарушить ни шум отодвигаемых стульев, ни голоса, ни смех, ни звон посуды – весь этот привычный каждодневный фон, милый и скучный, обыкновенный до последней нотки, голос жизни, которая, возможно, существует последние секунды перед тем, как навсегда измениться.

Почти все они что-то предчувствовали. Мама беспокоилась о Киме: ей справедливо казалось, что собрание родственников под одной небольшой крышей может означать не только радость, но и Большое Решение, а все крупные и неожиданные решения редко бывают такими уж веселыми. Папа относился к делу проще: по его намекам Ким понял, что тот ждет известия о двойне (а если повезет, и тройне), которую обнаружили в Арином животе при помощи ультразвука. Александра в отличие от прочих была прекрасно осведомлена о странных событиях, заполонивших новостные ленты, о расцвете науки шарлатании, об увольнении врачей, о провидцах, которые, конечно же, предсказали нынешнюю волну исцелений еще позапрошлой осенью (а кое-кто и десять лет назад); зная все это, Александра напряженно ждала, когда Ким объяснится. И Лерка тоже нервничала – судя по ее лицу, она ожидала услышать от Кима, что его при-

зывают в армию, или что он уезжает на край света, или что он неизлечимо болен. Даша занималась только ребенком и больше ничем; Алекс, обладавший феноменальным нюхом, поглядывал на Кима недоверчиво и мрачно, вряд ли его так уж заботила Кимова судьба, однако он полагал, и небезосновательно, что припасенная Кимом новость может коснуться и его. Костя был голоден и желал поскорее выпить, Арина, несколько растерявшаяся от такого нашествия родственников, разыскивала штопор, лежавший прямо перед ней на скатерти, а Шурка болтал ногами и складывал кораблики из салфеток.

После обычной в таких случаях толкотни и обустройства все наконец уселись за стол, плечом к плечу и колено к колену. Арина помещалась во главе стола, по правую руку от нее сидели Александра, Шурка и родители Кима, по левую – Лерка, Алекс, Костя и Даша (Иванку посадили напротив Арины в высоком детском стульчике, вот уже несколько месяцев хранившемся у Кима в кладовке). Ким оказался сидящим почти в дверном проеме.

– За что мы будем пить, Кимка? – небрежно спросила Арина.

Ему хотелось ее успокоить, но он не мог.

– Всему свое время... Давай поедим, отдохнем... расслабимся...

Лерка помрачнела. В словах Кима она увидела скрытое подтверждение наихудших своих ожиданий. Желая подбод-

рить жену и сестру, Ким встал, держа перед собой наполненный бокал:

– Давайте выпьем... за нас, за всех, за детей... в том числе будущих... потому что с нами, и с детьми, все будет очень хорошо. Гораздо лучше, чем было.

Его тост повлек за собой полное молчание. Даже Костя, успевший уже набить рот колбасой, даже Даша, самозабвенно кормившая Иванку морковным пюре, не могли пропустить подтекста, прозвучавшего в Кимовых словах помимо воли оратора. Даже Шурка перестал хлопать соленым помидором и удивленно воззрился на дядюшку.

– Кимка, – сказала мама, разрушая наконец вязкую тишину. – Что-то случилось? Ты бы сказал сразу, все-таки...

Он засмеялся:

– Что ты, все в порядке... То, что случилось, – оно... это скорее замечательно, чем плохо...

– Правда? – прищурившись, поинтересовалась Александра. – Тогда введи нас в курс, а мы уж сами оценим, насколько это, гм, замечательно.

– Ты здоров? – отрывисто спросила Лерка.

Ким допил свой бокал. Поставил его на стол:

– Я здоров. И все мои пациенты выздоровели. И никто из вас не болел в последнюю неделю... Даже Иванка, – он поглядел на племянницу, чьи щеки округлились, подпираемые изнутри морковным пюре, – выздоровела моментально, и никто не понял почему...

– А у меня зуб перестал болеть, – радостно сказал Шурка. – Я все боялся к врачу идти. А он сам перестал. Во как!

– Это какие такие целители нас пожалели? – негромко спросила Александра, аккуратно поддевая вилкой упругий огурец цвета хаки. – И при чем здесь ты, Кимыч, ты ведь врач у нас, в чудеса не веришь?

– Я больше не врач, – сказал Ким, снова наливая себе вина.

Папа едва не поперхнулся бутербродом. Мама всплеснула руками, и на лице у нее было написано: ну, что я говорила?!

– В мире больше нет врачей, – сказал Ким в новой тишине, на этот раз не вязкой, но звонкой, как стекло. – Потому что нет больных. Некого лечить. Все выздоровели... А кроме того, если вы заметили, во всем мире приостановилась война. За последний месяц не было ничего... такого... никто не взрывал, ничто не обрушивалось, ни терактов, ни наводнений...

– Класс, – сказал восхищенный Шурка.

– Та-ак, – протянула Александра.

– Я что-то такое слышал по ящику, – важно сообщил Костя.

Иванке наконец-то надоело пюре, и она заголосила, отворачивая перемазанную мордочку от неумолимой мельхиоровой ложки.

– Где соска? – засуетилась Даша. – Тут же только что на чистом блюдечке лежала пустышка... Где?

– Я не сумасшедший и не истерик, – Ким улыбнулся Ари-не. – Собственно, я хотел, чтобы мы собрались сегодня все вместе... И давайте выпьем за будущее, которое обязательно наступит, но вовсе не обязательно будет таким, как нам сейчас представляется. Гораздо скорее, чем мы думаем... И совсем по-другому...

Он выпил в одиночестве. Сейчас все смотрели на него (кроме разве что Иванки, которая колотила по столу резиновым зайцем, и Даши, пытающейся этого зайца уговорить). Но только Шурка смотрел с безусловной радостью.

– Мне кажется, ты драматизируешь, Кимка, – рассудительно сказала мама. – То, что случилось в вашей клинике... Это, конечно, феноменально и все такое, но у любого феномена есть разумное объяснение. Оно есть, просто его не всегда видно. Например... – и мама запнулась.

«Ну что ты хочешь, чтобы я еще говорил?»

«Ничего. Сядь и поешь спокойно».

– А сейчас давайте поедим, – сказал Ким, опускаясь на свой табурет. – Сядем и поедим спокойно, ведь мы так редко собираемся вместе... Очень жаль, что только за столом, ведь мы могли бы, наверное, пойти поиграть в футбол... погулять в лесу, детям было бы полезно... в театр там или в музей... а мы только за столом. – Он махнул рукой и подцепил вилкой маринованный гриб на тарелке, вернее, попытался подцепить, потому что гриб, конечно же, вывернулся.

– Говорят, после тридцати в жизни человека наступает

очередной кризис, – сообщил Алекс под звон вилок и недовольное бормотание Иванки.

– Ладно тебе, – буркнула Александра.

Иванка вдруг перестала возмущаться. Подняла голову, обвела присутствующих ясным удивленным взглядом – и рассмеялась, как будто ее легонько щекотали.

– Ах ты лапушка, – растрогалась мама.

– Большинство людей подсознательно хотят соответствовать чьим-то ожиданиям, – продолжал, как бы между прочим, Алекс. – Человек – это то, чего от него ждут... Ждут успехов – значит, надо кровь из носу делать успехи. Лезешь на гору, сдираешь локти, почти добрался до вершины, а гора вдруг исчезает...

Алекс хотел что-то еще сказать – но вдруг осекся. В насмешливых глазах его, устремленных на Кима, обнаружились замешательство и страх.

Ким наконец-то наколот гриб на вилку. Проглотил, не ощутив вкуса.

Мама пыталась разбить тишину, громко и заботливо пополняя тарелки. «А и в самом деле, почему мы видимся только за столом, – подумал Ким. – Почему еда так важна для нас?»

Иванка теперь тихонько играла своим зайцем, водила пальцем по столу, мурлыкала под нос, будто пела; вот уже несколько минут она вела себя так образцово-показательно, что Дашина болезненная опека слегка ослабла, как провис-

ший канат. Даша наконец-то оторвала взгляд от щекастого личика дочки, наконец-то заметила необычную тишину за столом – и вполголоса спросила Костю:

– А что случилось?

– Ничего, – отозвался Ким с набитым ртом. – Мы просто едим. Угощайся и ты.

Алекс уже не смотрел на хозяина. Ким видел, куда направлен его взгляд: внутрь головы. Ким видел, как ползут книзу уголки Алексова рта, как сжимается рука, лежащая на краю стола.

«Пандем?»

«Все хорошо, Ким, ешь».

– Сашка, – начала мама, обращаясь к Александре. – Ты что-то рассказывала про этого парня, который погоду ведет... Что вечерняя газета ему иск предъявила. Так, может быть, ты дорасскажешь, потому что интересно же...

Маму вовсе не интересовали подробности того, что случилось с погодным ведущим. Александра глубоко вздохнула:

– Ну, в общем, так. Шурка... Может быть, ты пока порисуешь на кухне? Или набрать тебе воды в тазик и ты кораблики попускаешь?

Шурка медленно перевел взгляд с матери на бабушку и обратно. Оглянулся на Кима; в глазах его нарастало смятение.

– Ма... – сказал он слабо, касаясь пальцами затылка. – Тут... ты что-то слышишь?

– Нет, – удивленно отозвалась Александра. – Что?

Шурка вдруг улыбнулся:

– Ой... Слушай, как интересно... Я сейчас... – Он привычно нырнул под стол, протоптал на четвереньках к выходу, выбрался из-под скатерти рядом с Кимовым коленом и ушлепал на кухню – в одном Арином тапочке.

– Что это с ним? – спросил папа.

– Балует, – с досадой предположила Александра.

(Будто кто-то другой, не очень знакомый, взялся за сложную операцию, уготовив Киму роль наблюдателя; Ким ненавидел подобные роли, как в начале своего водительского стажа ненавидел такси за то, что там нельзя порулить.)

Александра вдруг нахмурилась. Резко сжала губы и в точности повторила Шуркин жест – коснулась пальцами затылка.

– Что с тобой? Голова болит? – обеспокоилась мама.

– Н-нет, – пробормотала Александра. Взяла свой бокал и сделала глубокий глоток.

Ким подумал: «Как она сейчас похожа на Лерку». За годы, миновавшие после детства близнецов, он привык, что они разные, но теперь Александра, бездумно глотающая вино, сделалась зеркальным отражением сидящей напротив сестры – настороженной, переводящей вопросительный взгляд с Александры на Кима и обратно.

Иванка распевала без слов, самозабвенно и счастливо. Прочие молчали.

– Гости! – Ким поднялся. – Я собрал вас, чтобы представить...

И замолчал. Фраза получилась самонадеянная и пафосная: как будто это он привел Пандема, как будто Пандем – его вина либо его заслуга...

– Представить? – осторожно переспросила мама.

– Представить, как печален был бы мир, если бы в нем не было нашей семьи, – торопливо пошутил папа.

Александра поставила пустой бокал к себе в тарелку, между двумя ломтями рыбы. Помотала головой, будто пытаюсь вытряхнуть незваного собеседника вместе с новым мироустройством; мама встревожилась и захотела снова о чем-то спросить – но замерла с открытым ртом, и Ким, смотревший ей в глаза, увидел, как улетучиваются мысли об Александре и о Шурке, как опускается рука, механически потянувшаяся было, чтобы взяться за сердце.

– погоди, – сказала мама, когда папа положил ей руку на плечо.

Папа – не затронутый еще Пандемом – оглянулся на Кима, будто ожидая объяснений; Ким развел руками, но сказать опять-таки ничего не успел: папа подпрыгнул на стуле, как человек, под которым обнаружилась оса. Взгляд его обернулся внутрь, и Ким понял, что в этом разговоре он третий – лишний.

– Ня! – провозгласила Иванка. – Па-ня!

– Умница! – обрадовалась Даша.

Алекс сидел, выпучив глаза. Лерка косилась на него со все возрастающим страхом:

– Кимка, тебе не кажется...

– Почему никто не ест? – нервно поинтересовалась Арина и была не права: один человек все-таки ел, и это был Костя. Не избалованный домашней кухней, бывший инженер наворачивал мясной рулет с черносливом, и все, что происходило вне круга его тарелки – за золотистым ободком, как за границей, – не привлекало Костиного внимания.

– Так что же случилось с тем парнем, который вел погоду? – снова заговорила Арина, и голос ее звучал жалобно.

– Папа, – позвала Лерка. – Ты о чем... Послушай, ма...

В эту минуту волна преобразований, затопившая уже большую часть комнаты, накрыла и Лерку. По привычке спрятавшись в себя, она успела выбросить, как аварийный буюк, механическую улыбку на лицо: защитную улыбку, которая должна была доказать всему миру, что у Лерки все хорошо и она не нуждается в помощи...

– Передай мне салат, – велела Даша Косте.

Ким поймал Аринин взгляд. Пожалел, что стол разделяет их, что он не может быть рядом; впрочем, почему не может. Сбросив туфли, Ким прошелся по дивану за спинами Даши, Кости, Алекса и Лерки; Даша, кажется, была шокирована: в ее добропорядочном семействе хозяева не ходили по диванам за спинами гостей. Косте было все равно – он ел. Алекс пребывал в некой разновидности транс; Лерка улыбалась.

Ким прыгнул с дивана и обнял Арину за плечи, и в этот момент – в этот самый момент – она содрогнулась, впервые после двадцать девятого февраля услышав внутренний голос.

– Ничего страшного, – сказал Ким, слово в слово повторяя увещевания мальчика на трассе возле горящей машины. – Ничего страшного не случилось.

* * *

Позавчера вечером...

Арина уже спала. Ким вышел во двор. Пахло весной.

Ким ушел за гаражи – туда, где была спортивная площадка, где когда-то – кажется, сто лет назад – они с Пандеом играли в футбол. Ким нашел в темноте мокрую скамейку, подстелил газету (откуда в руках у него взялась эта никчемная рекламная газетенка? Кажется, из почтового ящика) и сел.

Нет, они ни о чем таком не договаривались с Пандеом. Просто Кима тянуло на свежий воздух – пусть даже на холод. Просто Арина спала, и он не решался включать телевизор, а читать, пусть даже и газету, не мог тоже – расплывались перед глазами буквы.

Прохожий появился беззвучно. Подходя к скамейке, кашлянул, чтобы обозначить свое присутствие. Он был высокий – ростом с Кима. В куртке-ветровке и больших кроссовках из светоотражающей ткани; ответ далеких фар заставлял

их мерцать в темноте.

– Ну, – сказал Ким, когда прохожий остановился в пяти шагах.

– Я присяду, – хрипловато сказал прохожий. – Можно?

У Кима мурашки побежали по телу.

– Да так вот, – сказал прохожий, будто извиняясь. – Я расту... Это начальный толчок. Поначалу я расту очень быстро. Потом с каждым десятилетием мое «взросление» будет замедляться...

– Тебе ведь все равно, как выглядеть, – сказал Ким сухим ртом.

– Нет, – серьезно ответил его собеседник. – Мне хотелось бы... Чтобы снаружи по возможности было то же, что и внутри.

– Тогда ты внутри – человек?

– Я сказал «по возможности»... Ким, я сяду?

– Да что ж ты спрашиваешь?

В темноте Ким не видел лица собеседника. Тот покачал головой – как показалось Киму, печально:

– Ты ведь не хочешь, чтобы я сейчас здесь сидел? С тобой разговаривал?

Ким спросил себя: в самом деле, хочет он этого соседства? И еще спросил себя: а зачем прохладной апрельской ночью его понесло за гаражи, в пустынное место, где прежде чего только не случалось?

Ким молча поднялся, разорвал свою газету пополам, по-

ловину оставил себе, а половину расстелил рядом.

Пандем уселся – тоже молча. Сунул руку в карман ветровки; вытащил зажигалку и пачку сигарет. Закурил; в свете желтого огонька Ким увидел его исхудавшее, рывком повзрослевшее лицо.

Теперь ему было лет восемнадцать с виду. Он походил на старшего брата того подростка, с которым Ким вот здесь же играл в футбол.

– Коньяк ты тоже пьешь? – спросил Ким.

– Пью, – сказал Пандем и еще раз затянулся.

Ким вытащил из-за пазухи плоскую фляжку, которую Арина подарила ему в прошлом году. Отвинтил колпачок. Протянул Пандему; тот отхлебнул из горлышка, глубоко вздохнул и запрокинул голову. Тучи над головами потихоньку рассеивались, выпуская звезды.

Ким налил себе коньяка в крышечку-наперсток; покосился на сидевшего рядом. Если бы этот парень не был Пандемом, можно было бы подумать, что он обеспокоен. Или смертельно устал. Или огорчен и не знает, как сказать плохую новость.

– Что-то случилось? – спросил Ким.

– Нет, – Пандем затянулся снова. – Ничего особенного... Мир накануне больших перемен. Все это чувствуют, но почти никто не отдает себе отчета. А я ощущаю это, как зарождение ветра... в пустыне...

И он замолчал.

– Ты передумал? – медленно спросил Ким.

В темноте не было видно, как Пандем улыбается.

– Нет, Ким... Дай мне еще выпить?

И он снова отхлебнул из горлышка. Начался морозящий дождь; они сидели молча, плечом к плечу, посреди сырого апреля, и Ким не знал, где еще – в каких странах, в скольких измерениях – находится существо, сидящее рядом с ним, но чуял профессиональной своей интуицией – бывшей профессиональной, – что Пандему *нужно* сейчас вот так сидеть, пить Кимов коньяк из фляжки, курить и молчать.

И это было всего два дня назад.

* * *

– ...Собраться всем вместе. Потому что встречать Пандема в одиночку – значит считать себя сумасшедшим, маяться, бояться, ныть...

Блюда на столе оставались почти нетронутыми. Иванка безмятежно спала на кухне. Шурка болтал ногами и улыбался себе под нос – беседовал, надо полагать, с Пандемом.

– Я не понимаю, зачем я все это говорю, – сказал Ким устало. – Я так понимаю, ты сам скажешь лучше...

«Я-то скажу. Но меня они знают без малого час, а тебя как-никак несколько дольше...»

– Если бы не ты, – Александра хмыкнула, – я бы плакала о поехавшей крыше. Я и сейчас не уверена: может быть...

И замолчала, прислушиваясь к голосу внутри.

– Мне кажется, Ким – последний из нас человек, который сойдет с ума, – тихо сказала Лерка. – Именно поэтому этот... Пандем начал с него.

– Не понимаю, чего вы все такие стремные, – сказал Шурка. – Перепуганные... Так, я завтра в школу не пойду, завтра у меня адаптационный день...

– Какой-какой день? – обернулась к нему Александра.

– Адаптационный! – Шурка сиял. – Я пойду в лес, Пандем мне расскажет... Потом я порисую... Потом порешаю задачки... Чего вы боитесь все?

– Александр, – медленно сказала Александра. – Пока еще я решаю, какой день у тебя адаптационный, а какой учебный... И чем ты будешь заниматься... У тебя есть, во-первых, мать, и только во-вторых...

– Отец у него тоже есть, – хмуро отозвался Алекс. – И прекратите истерику, вы все. Это коллективное помутнение сознания... Помните двадцать девятое февраля? Тогда то же самое было и быстро прошло. Я думаю...

Он замолчал, слушая Пандема.

– Хорошо, – сказал Шурка неизвестно кому, но вряд ли матери. – Ну ладно.

Александра молча поднялась и вышла – выбралась – на кухню. За ней последовал Алекс – прошелся, по примеру Кима, по дивану вдоль стены, взял телефонную трубку, набрал две коротких цифры.

– Алекс, ты пожарников вызываешь?

– «Скорую», – сообщил Алекс сквозь зубы. – Ч-черт... У тебя что, телефон... Ты что его, специально отрубил?!

– Это у тебя истерика, Алик, – совершенно Александриным голосом сказала Лерка. – Возьми мобилку и позвони в «Скорую»... Если хочешь.

Алекс снова ругнулся и вытащил телефон из внутреннего кармана. Набрал «ноль два», долго слушал ответ, запустил трубкой в угол:

– Сговорились все?! Ч-черт...

И вышел в прихожую, и оттуда слышались попеременно его взвинченные вопросы – и негромкие ответы Александры.

Арина сидела, полузакрыв глаза, положив руки на живот. Улыбалась, но не так, как Лерка; Аринина улыбка была спокойная, умиротворенная, счастливая.

– Ариша?

– Все в порядке, мне хорошо...

Даша стояла в углу, уткнувшись лбом в стену, и быстро бормотала себе под нос:

– Хорошо, хорошо, да, конечно... Конечно... Да, конечно...

Костя сидел на прежнем месте, глядел в пустую тарелку, недоверчиво хмурился, чесал бровь, строил гримасы и жил такой богатой внутренней жизнью, что, попади эта картинка на экран, Костя прославился бы как непревзойденный комический актер. К несчастью, все в комнате были так заняты

собой, что молчаливая Костина реприза пропадала втуне.

Мама и папа сидели плечом к плечу, иногда молча переглядывались, иногда неуверенно усмехались; папа схватился было за голову, но застеснялся и руки опустил. Мама облизывала губы, время от времени принималась щупать шею и затылок, локти, колени, щиколотки, живот. Потом сказала вдруг тихо-тихо:

– Кимка... измерь мне давление.

Манжета лежала в ящике комода за папиной спиной. Папа (который никак не мог этого знать) безо всякой просьбы повернулся на стуле и с некоторым трудом вытащил коробочку с измерительным хозяйством:

– Я сам...

– Сто двадцать на восемьдесят, – сказал Ким.

Минуту все слушали шипение воздуха, нагнетаемого в манжету. Писк автоматического манометра, потом снова писк; мама недоверчиво смотрела на монитор.

– Сто двадцать на восемьдесят, – сказал папа. – Пульс шестьдесят пять.

– Что, теперь всегда так будет? – недоверчиво спросила мама.

– Ким! – Костя встал ни с того ни с сего. – Возьми любую книжку с полки, любую... Нет, не эту! Ту, которая правее! Читай страницу восемьдесят два сверху...

– «...вот я и спрошу сейчас у него, за сколько он подарил...» – начал читать Ким.

– Стоп! – закричал Костя, и керамический клоун на люстре качнулся от его крика. – Ты как... Это не может быть галлюцинация!

– Может, – холодно сообщил Алекс, снова возникая в дверном проеме. – Ким, зачем ты нас пригласил?

Тесная комната казалась еще теснее оттого, что все хотели куда-то идти и что-то менять. Включили телевизор. Там шел какой-то фильм, и еще фильм, и спортивная программа, и мультик, и реклама – все как обычно.

– Я пойду погулять, – сказал Шурка, глядя в окно. – Там пацаны с мотоциклом! С настоящим!

– Ну и что? – хмыкнула Александра.

– Они мне... – Шурка был уже в прихожей, – они мне дадут покататься, потому что у них уже тоже Пандем.

– Что?!

– Кто тебе разрешал... – Алекс повысил было голос, но как-то сразу осекся. Поморщился. Пожал плечами: – Ну, иди...

Зазвонил телефон. Ближе всех к нему оказалась Лерка.

– Алло? Да, это я... погоди, откуда ты узнала, что я здесь? Это квартира брата...

Молчание.

– Да, – сказала Лерка еле слышно. – Да, и у нас тоже... Да, конечно. Ну, пока.

Арина тихо рассмеялась.

– Тебе не страшно? – спросила бледная Даша.

Арина улыбалась, и непонятно было, к чему она прислушивается – к голосу внутри головы или к движению внутри живота.

Александра смотрела в окно. Ким не мог понять, что означает странное выражение на ее лице.

– Катается? – спросила мама.

– Гоняет, – сказала Александра. – Тем пацанам лет по двенадцать... И они его сразу усадили, – она отвернулась от окна. – Эй, Пандем... Он хоть не свалится?

Беззвучное мельтешение кадров на экране невыключенного телевизора сменилось яркой вспышкой – все вздрогнули и повернули головы; там, где только что рекламировали жвачку, было теперь лицо молодого человека лет двадцати.

– Не свалится, – сказал человек на экране. – Не волнуйся.

Молчание длилось с минуту – так показалось Киму. Все смотрели на экран. Друг на друга – и снова на экран.

– Все хуже, чем я думал, – пробормотал Алекс.

Пандем на экране улыбнулся и развел руками.

* * *

– ...Мы дожили до этого дня – ты, я... мы все...

На кухонном столе башнями громоздились немытые тарелки. Горела свеча, и вокруг нее носились три ночные бабочки – будто танцуя, безопасно, не касаясь крылышками пламени. Арина сидела на табурете, Ким стоял рядом на

коленях, гладил плечи, расстегивал блузку, сам не понимая, что делает. По Ариному лицу размазывались большие прозрачные слезы; она отвечала на Кимов поцелуй так раскованно и беззаботно, что он едва узнавал ее. Вся гора страхов, волнений, переживаний, все дурные сны, депрессии и невроты только теперь свалились с ее плеч, и Ким только теперь полностью осознал, насколько тяжелой была эта ноша.

– ...Спокойна. Я знаю, что у нас будет мальчик... Виталик... Он будет здоров, будет жить долго, и жизнь его будет... Господи, да о чем они думают! Чего они боятся! Рано или поздно это должно было... Кимка, спасибо тебе. Ты нас всех вывел... Помог... Кимка, ты особенный, ты один на миллион... Я так тебя люблю. Ничто никогда нам не помешает. Ни война... Послушай, мы теперь свободны! От болезней, от страхов, от нищеты...

– Ты совсем-совсем не боишься? – спросил Ким, проводя ладонью по длинным Ариным волосам.

– Наоборот, – она голым локтем вытерла слезы. – Я чувствую, что этот мир – наконец-то мой.

Второй год Пандема

Пролог

Отец Георгий в последний раз перекрестился, глядя в глаза Тому, Кому привык верить и Чьей службе посвятил жизнь. Как бы там ни было, Пандем не смел говорить с Георгием, пока Георгий говорил с Ним, не смел подавать голос во время службы, и вообще в стенах церкви – молчал; Георгий, если бы мог, переселился бы жить под родные ветхие своды, но...

После службы он вышел поговорить с прихожанами – на скамейке за церковной оградой, где желающим можно было курить. Георгий знал, что в последнее время курево не приносит вреда и что тот, кто не желает слышать запаха сигареты, не услышит его, даже уткнувшись носом в кольцо дыма, – но для Георгия все это не имело значения, курить в церковной ограде было для него кощунством, он всегда запрещал...

Правда, в последний год никто ни разу не нарушил его запрета. А Георгию иногда хотелось, чтобы нарушили. Чтобы изгнать нарушителя с позором, чтобы сорваться наконец... Гневаться – грешно... А смотреть и не гневаться – нету сил...

Молчали. Курили. Подвинувшись, уступили батюшке ме-

сто на скамейке; он сел.

Прежде постоянными прихожанами Георгия были в основном женщины средних лет и старше; молодые мужчины заявлялись от случая к случаю, и, как правило, их визит был связан со скорой необходимостью обряда – крещение, венчание, отпевание. Священники соседних приходов время от времени жаловались начальству, что Георгий отбивает чужих прихожан; что делать, детям почему-то нравилось, чтобы их крестил Георгий. Даже покойникам, наверное, нравилось, чтобы Георгий их отпевал, – а он уважал своих покойников, как только может бранный человек уважать собрата, стоящего на пороге вечной жизни. И если от его усилий хоть сколько-нибудь зависела легкость дальнейшего их пути – что ж, Георгий был совершенно честен перед ними, и поэтому, наверное...

Теперь прихожан было меньше, чем год назад, но больше, нежели полгода назад. И они были большей частью мужчины.

После почти десятиминутной паузы сосед Витя откашлялся:

– А не боитесь, батюшка, так говорить про него?

Георгий посмотрел на него. Витя смутился и отвел глаза:

– Так... Это ведь...

– Мне бояться нечего, – сказал Георгий сухо. – Каков он есть, так и называю.

– А вы говорили, он запретит в церковь ходить, – сказала

Ивановна, старейшая прихожанка, никогда не пропускавшая воскресной службы еще при предшественнике Георгия, отце Петре. – А он и не запрещает.

Георгий вздохнул:

– А он хитрый, Ивановна. Запретил бы – люди и смекнули бы сразу... А так – нет.

Игорь, холостой мужик лет тридцати, как-то странно улыбнулся; Георгий давно научился читать на лицах это выражение. Так выглядит человек, беседующий с Пандемом.

Он рывком поднялся со скамейки, еще секунда – и он сорвется наконец, выплеснет...

Не сорвался.

– До свидания, Игорь. Здесь не место беседовать с этим...

– Я не нарочно, – сказал Игорь и отступил на шаг. – Но я собирался уже... До свидания, батюшка...

И поспешил к своему велосипеду, прислоненному к ограде. Вот ведь время, все и забыли уже, что это такое – приковывать велосипеды, прятать, сторожить...

Георгию расхотелось разговаривать. Он всегда с удовольствием приходил к ним, иногда ему казалось, что его слова имеют для них значение... И сказанные в церкви, и сказанные здесь, на скамейке за церковной оградой... А сегодня он не мог видеть своих немногочисленных верных прихожан. Не хотел.

– Ну, будьте здоровы, – он поднялся. – Что-то голова болит, пойду...

И тут же понял, что соврал и что его вранье так явно и заметно, как пляжный зонтик посреди голой пустыни.

– Прощайте, – сказал сухо и ушел, не озираясь. Его собственный велосипед ждал у заднего крыльца церкви.

«Георгий...»

«Молчи, сатана».

...Но кто же знал, что тот, о котором знали, что будет дана ему власть, – почему он явился так сильно, так подло, так страшно? Человек слаб... Когда Георгий видел свою мать, еще год назад парализованную, а теперь без усталости копающуюся на огороде... Когда он слышал, как она поет (а она пела в молодости, у нее был сильный красивый голос, о котором любили вспоминать все деды в окрестных трех поселках), когда она с подружками, такими же пожилыми и здоровыми, шла погулять в лес, или танцевала на чьем-то семидесятилетии, или...

Человек слаб.

Лучше бы его мать тихо угасала, не в силах поднять руку?

Ох, *этот* был искушен. Он был богослов. Его хоть сегодня можно было брать преподавателем в семинарию. Да. Но кто сказал, что именно он исцелил мать Георгия? Кто ему поверит? Разве он не может лгать?

Георгий вздохнул, привычно ожидая услышать внутреннее: «Я не лгу тебе, Георгий...» Но не услышал. Видимо, этот отчаялся переубедить его...

Этот – отчаялся?! Неужели Георгий – слабый Георгий –

сумеет выдержать *такое* искушение?

«Георгий...»

– Молчи!

«Я только хотел сказать, что переднее колесо...»

– Молчи, сатана, без тебя знаю! – сквозь зубы проговорил Георгий и потянулся за старым насосом.

Высоко над церковью бесшумно скользнул, не оставляя следа, острый серебряный новолет. Георгий вздрогнул и перекрестился.

* * *

Отец Зануды Джо привел в дом женщину!

Прежде все его бабы были потаскухи. Да и какая дурная согласится иметь дело с безбашенным алкоголиком?

А эта баба! Отец егозил вокруг нее и чуть не патокой обмазывал. Зануда Джо плюнул, вылез в окно на соседнюю крышу и ушел искать приключений.

С тех пор как травка перестала быть травкой, друзья перестали быть друзьями и пиво перестало быть пивом, Зануда Джо не находил таких приключений, которые можно было бы потом вспомнить. Один только раз ему удалось напугать какую-то телку, сбросив с крыши кирпич. Кирпич разбился прямо перед телкиным носом, но та почти сразу перестала визжать. Наверное, Пандем сказал ей, что это Джо сбросил кирпич. И что он все равно не мог попасть. И точно ведь –

не мог...

Раньше они ходили шоблой, и прохожие быстренько сворачивали с их пути. Они ловили ребят из чужих кварталов и чистили им рыла. Они воровали мотоциклы, а однажды Крис угнал грузовик. Правда, потом бросил... И где теперь Крис?

Их шобла расползлась кто куда. Джо остался один, он хранил старый арсенал, спрятанный в углу гаража под тряпками, иногда приходил туда, чтобы почистить пушку, которую Крис когда-то спер у старшего брата. Но пушки, как их ни чисть, теперь вообще не стреляют... Джо хранил ее просто на память.

А вот заточенные прутья и кастеты, залитые свинцом, могли бы пригодиться. Если бы только, если бы...

Он уселся на краю, свесив ноги в пыльных кроссовках, и задумался.

Отец не бросил пить. Наоборот: стал пить больше. Только то, что он пил, превращалось в воду прямо у него в глотке. Поэтому отец сперва сделался буйный, а потом как-то при-смирел. И даже нашел работу. А потом Джо узнал, что отец ходит в вечернюю школу! А потом Джо узнал, что осенью отца отправят на работу далеко отсюда – на строительство какого-то подводного города!

Это как же он будет жить под водой? Плавники отрасли, что ли?

Джо представил себе отца с плавниками. В последнее время ему удавалось представлять картинки, и даже цветные.

Это было иногда неприятно, а иногда забавно. Вот сейчас он вообразил себе отца с плавниками и засмеялся.

Горячая кровля приятно грела зад. На карниз села чайка. Джо плюнул в нее, но промахнулся.

И что же, эта новая баба теперь будет жить с ними? В их доме? Или она тоже поедет на строительство подводного города?

«Плавучего, парень. Плавучего, а не подводного. Это будет такая платформа, она будет плавать посреди океана, а на ней будут жить люди, синтезировать пищу...»

Джо плюнул в другую чайку и на этот раз уже попал. Чайка улетела.

«Кстати, Крис в своей космошколе перешел на вторую ступень. У него здорово получается».

– Ты же сказал, что все будут жить, как хотят. – Джо поболтал ногами. – Вот я и живу, как хочу...

«Ты не хочешь так жить. Ты тоже хочешь полететь в космос. Или увидеть другие страны. Или прославиться. Или сняться в кино. Или играть в баскетбол. Но ты просто сопля, парень. Ты боишься».

– Как-как ты меня назвал?

«Зеленая липкая сопля».

– Ты! – Джо грохнул кулаком по горячей жести. – Выйди ко мне, посмотрим, кто сопля!

В доме напротив открылось окно. Выглянула пожилая женщина в переднике, в одной руке у нее был нож, а другую

она вытирала о перекинутое через плечо полотенце:

– Джо? Что ты здесь делаешь?

Он впервые ее видел. Раньше здесь жили другие люди. Наверное, она узнала его имя у Пандема.

– Не твое дело, жирная задница!

Он перекатился назад, вскочил, пробежался, грохоча и поднимая слежавшуюся пыль, легко, как супергерой, прыгнул на соседнюю крышу – через щель шириной в два метра и высотой в четыре этажа. Нога соскользнула, Джо уперся в край крыши коленом, но колено соскользнуло тоже. Теперь он висел на краю, постепенно съезжая вниз, цепляясь ногтями за пыльную жуть. В животе сделалось холодно и как-то липко. Он знал, что Пандем не позволит ему упасть... А вдруг позволит?! Что за радость Пандему спасти Джо, который не ходит в школу и вообще не хочет строить этот долбаный плавучий город?!

«Ну так кто из нас сопля, а, Джо?»

– Ты! – просопел Джо и сполз еще ниже. Теперь он висел на пальцах, пытаясь подтянуться, но пальцы соскальзывали и опоры для ног не было, потому что стена была гладкая.

Вот если бы с ним рядом были мужики из шоблы...

– Ты! – крикнул Джо. – Ты, ты, ты! Если бы ты был простым пацаном – я бы на тебя посмотрел! А так – ты...

Тут под ногой у него вдруг обнаружилась выбоина в стене, будто ступенька. Джо подтянулся наконец и выбрался на крышу: она была не плоская, а наклонная. Отползя подаль-

ше от края, Джо сел на корточки, опустив голову ниже колен; его выцветшая красная майка прилипла к спине. У него было полно нового шмотья, но он носил эту майку как память о прежних временах...

«Крис часто думает о тебе».

– Врешь.

«Не вру. Он скучает».

– Полетит в космос и перестанет скучать...

«Хочешь к нему съездить?»

Джо молчал. И даже ни о чем не думал.

«Хочешь прямо сейчас?»

– У меня нет денег.

«Не надо денег. Полетишь на новолете. Я забронирую тебе место».

– На чем?!

«На новолете, парень».

– Нет, – Джо помотал опущенной головой. – Нет. Как я к нему приду? Он будет в форме, с крылышками, значит... С нашивками... А я буду – вот так? С пушкой за поясом, которая не стреляет?!

«Послушай меня, парень. Ты ничем не хуже Криса и других. Ты все можешь, у тебя все будет. У тебя будет и форма, и крылышки, и что хочешь. У тебя будет красивая баба, крутая тачка, про тебя будут говорить: вот идет Джо, У Которого Все Получилось... Сейчас спускайся вниз и лови машину. Тебя подвезут до Центра Развития, ты пойдешь туда

и запишешься в технический колледж. Тебе дадут форму и направление, в семь ноль-ноль новолет стартует, ты будешь учиться и работать на той самой станции, где тренируется Крис. Давай, парень, поднимай свою задницу, иди, я сам поговорю с твоим отцом...»

Джо посидел еще немного. Потом встал на четвереньки и вытащил из кармана монету. Подбросил (монета сверкнула на солнце), поймал и накрыл ладонью.

– Если орел – еду, если решка – иди ты в задницу, Пандем...

Во все еще узком и темном сознании Зануды Джо не нашлось мысли о том, что Пандем может управлять полетом монетки.

* * *

– Когда ты вернешься? – спросила жена.

– В четыре, – ответил Артур. – Или, может быть, чуть позже.

– Счастливо, – сказала жена, и Артур захлопнул дверцу.

– Поехали, – нетерпеливо сказала дочь. – Я на моделирование опоздаю.

– На что?

– На техномоделирование...

Артур промолчал.

Машина ждала под навесом чуть в стороне от дома. Артур

по привычке запирали ее, хоть и знал, что кража невозможна. Никто не разобьет стекло и не вытащит приемник, как это дважды случилось с ним прежде. Теперь никто не крадет, никто не убивает и никого не судят. А все делают вид, что ничего особенного, все живут по накатанной колее; вот и он пять раз в неделю ездит в контору, просматривает счета и отчеты, составляет сметы и подает их на утверждение, и делает все, что делал прежде, хотя это и потеряло свой смысл. Или почти потеряло.

Контора наполовину опустела. Клерки, секретарши и даже уборщицы разбежались – кто на курсы актрис, кто на курсы экскурсоводов, кто на стажировку по рисованию. Шеф по-прежнему сидел в своем кабинете, он похудел, подтянулся и начал курить сигары, которых прежде себе не позволял. Шеф не решался покинуть свое кресло – пока не решался, но Артур уже не раз видел у него на столе кипы «проспектов будущего»... И что за интерес шефу управлять призрачной конторой, что ему за радость повелевать Артуром?

Дорога была загружена, но настоящих пробок Артур давно уже не помнил. Перед школой он притормозил, дочка выскочила, махнула рукой и припустила ко входу, где толпились – много смеялись, беззаботно болтали, радовались новому дню – десятки парней и девчонок от десяти до семнадцати...

Артур понял, что завидует дочери.

Поток машин был плотным, но Артура пропустили, легко

позволили сделать левый поворот, и минуту спустя он стал каплей спокойной речки, в которой нет-нет да и мелькали эти самые новые машины – на новом топливе, бесшумные, как призраки.

Когда шеф уйдет куда-нибудь... Ну, скажем, начальником какого-нибудь автоматизированного химического цеха... Он хороший руководитель, он может повелевать хоть эксплуатационной конторой, хоть оперным театром... Артур займет его кресло. Неважно, что он будет делать каждый день – важно каждый день уходить на работу, целовать жену, подвозить дочь...

Мысль о том, какая длинная и безрадостная предстоит жизнь, всякий раз доводила Артура до отчаяния.

Пандем был его проклятием. Пандем знал его тайну.

Много лет – с самого детства – внутри Артура жил сокровенный мир, в который не было доступа никому. Только внутри этого мира Артур был настоящим. Миром в мире. Страной в стране. Он сочинял стихи, но никогда не записывал их. Он гулял в грозу, запрокидывал голову, чуть презрительно улыбаясь белому узору небесных вен. Он слышал, как растет трава. Он запирался в ванной, раздевался донага и проживал жизнь за жизнью, а мать – она уже тогда ничего не понимала – стучала в дверь и требовала открыть...

Он влюбился, когда ему было тринадцать. Она ездила на велосипеде. Он захотел ввести ее в свой мир, но она не поняла.

Он хотел покончить с собой, но догадался, что это глупо. Что она не стоит гибели той прекрасной страны, о которой не имеет понятия, которую не желает увидеть; тогда он жил на окраине большого лесопарка, летом там былолюдно и пахло шашлыками, а поздней осенью парк был пуст и темен, и однажды там нашли какого-то пьяницу, которого задушили и ограбили и присыпали листвой на дне небольшого овражка...

Этот мертвый человек не давал Артуру покоя. Он воображал, как торчат из-под листвы ноги в старых ботинках – шнурки завязаны мертвецом еще тогда, когда он был жив... Он вставал каждое утро в шесть – было еще темно – и вел старого эрдельтерьера Джафара на прогулку в парк, и подолгу стоял на том месте, где нашли тело.

Однажды девочка, из-за которой он помышлял о самоубийстве, каталась на своем велосипеде по краю лесопарка. Это было ранней весной. Снег уже сошел.

А потом она куда-то пропала. Утром родители позвонили в милицию.

Артур встал, как всегда, в шесть. Все было как всегда, за исключением того, что в ту ночь он вообще не спал.

Джафар скулил, просился на прогулку. Артур намотал на руку поводок и пошел – нет, сперва он прогулялся по краю лесопарка, потом прошелся по пустынной центральной аллее и только потом свернул к овражку.

Джафар, конечно, отыскал ее и поднял лай. Артур так и

повторял потом на допросах в милиции: собака нашла ее первой. Мы всегда гуляем в парке с собакой. С половины седьмого до семи.

...Он прожил тогда самый наполненный, самый мучительный, самый счастливый день в своей жизни. Мир внутри его полнился весной.

Он закончил школу почти на «отлично», и поступил в экономический институт, и познакомился со многими разными девушками, и встречался с ними — с кем месяц, а с кем и год. Они были милы, но ни одна из них не могла подарить ему и тени того счастья, которое он испытал тогда на сырой весенней земле, где распускались подснежники и где она, наконец-то поняв все про него, сделалась восхитительно покорной...

Так он жил, уже почти смирившись с тем, что ничего великого больше в жизни не будет, когда однажды летом увидел из окна автобуса девушку-велосипедистку с легким рюкзачком за плечами, в сиреневых облегающих штанишках и синей футболке с большим вырезом. Девушке было лет шестнадцать, она обогнала автобус, пока тот стоял на остановке, а потом автобус обогнал ее; Артур страшно боялся, что она свернет на перекрестке, но она не свернула. А на следующей остановке он окликнул ее, и она остановилась, потому что Артур был недурен собой и очень, очень обаятелен...

Потрясение его было даже сильнее, чем тогда в первый раз. Внутри своего мира он парил над горами, видел себя

справедливым и милосердным государем, и ее ужас – уже потом, когда на небе зажглись звезды и над разогретой июльской землей почему-то запахло подснежниками, – был щемлящим и щекотным, и она тоже в какой-то момент поняла его, и тоже покорилась полностью, как и следует покоряться государю...

Спустя два дня он прочитал в газете подробное описание того, что случилось той ночью в лесу, на берегу озера, неподалеку от железнодорожных путей. Он пришел в ужас и целый год жил в страхе разоблачения.

А спустя еще год он женился на своей теперешней жене. И у них родилась дочка. И он удерживал себя, не позволяя внутреннему миру брать над собой верх. И отворачивался, если видел девушку на велосипеде.

Дочке было пять лет, а Артуру тридцать. Он пришел забирать ее из детского сада, а в это время в соседнюю группу приехала за младшим братишкой старшая сестра. Ей было пятнадцать лет, ее трикотажные спортивные штаны, подвернутые до колен (чтобы не попали в велосипедную цепь) сидели низко на талии, оставляя открытой полосу загорелой спины.

Через десять дней ее объявили без вести пропавшей. И так и не нашли; все это время Артур умирал от страха, под разными предлогами не ходил за дочкой в сад, в конце концов уехал в командировку на месяц – но страхи были безосновательны, потому что никто-никто ни о чем его даже не

спросил...

Теперь его дочке было четырнадцать. Она не догадывалась. Как и жена, прожившая с ним полтора десятка лет. Как и шеф, полагавший Артура не слишком талантливым, но честным и старательным работником. Как и никто-никто из людей...

Пока *никто* не знал, Артур мог жить в собственном мире, фантазировать и полагать прошлое плодом своих фантазий. Пока никто не знал, Артур не был ни в чем виноват – ведь и цари древности не имели за собой вины, оставляя на постели остывающий труп рабыни. Традиции, обычаи, законы делают нас виноватыми, а вовсе не поступки; никто из тех, кто мог бы осудить Артура за учиненное им, не знал...

Кроме Пандема.

Пандем знал об Артуре все.

И с этим знанием мир изменился.

Поначалу Артур боялся, что Пандем скажет людям. Что он скажет его жене. Что он скажет дочери. Что тело той потеррянной девочки наконец-то найдут там, где Артур его оставил.

А потом он понял, что даже если Пандем не скажет – он все равно знает все, совсем все, и напомним Артуру при необходимости; знание Пандема было зеркалом, в котором Артур увидел себя, и с этого момента жизнь его превратилась в пекло.

Он загнал машину на стоянку. Вошел в офис мимо давно

пустующей будки охранника. Уселся в свое кресло, посмотрел на часы: девять ноль-ноль. Он всегда был пунктуален.

...Если бы его тогда поймали! Тогда, в самый первый раз! Его не убили бы – по малолетству, – но все эти годы он провёл бы в тюрьме... И сейчас вышел бы, спокойный, устроился бы на завод или поехал на стройку, как все эти, кого Пандем выпустил из-за колючей проволоки... И он мог бы жить и думать о жизни, а не только о том, что Пандем – *знает*...

С другими людьми Пандем говорит. С Артуром – почти никогда. Пандем просто знает, знает; умереть Артуру нельзя. Значит, надо с этим жить...

...Есть еще один способ со всем покончить.

Сегодня вечером он придет домой. Позовёт жену в кухню, плотно закроет дверь и скажет ей...

Скажет все. А Пандем подтвердит.

* * *

Виолетта проснулась и долго лежала, любуясь светом.

Она никак не могла на него наглядеться. Другие, вот ее родители, например, видят свет уже давно. Они к нему привыкли. А Виолетта – нет.

Потом взгляд ее с потолка, на котором лежал дрожащий солнечный прямоугольник (это отражение в весенней луже, снег тает!), переполз на стену, где были картинки. Они были разноцветные. Когда Виолетта смотрела на них, ее губы сами

собой разъезжались в улыбку.

У нее в голове появились мысли. Это тоже было удивительно, почти так же удивительно, как свет; ей казалось, что «мысль» – это такой лучик, он пробирается по коридору, ощупывая стены, и освещает все новое. Вот она увидела картинку, на которой нарисован слон, и вспомнила слона в зоопарке, и подумала, что слону удобно иметь такой нос, а Виолетте было бы неудобно, и кошке неудобно, и что каждый на земле имеет такой нос, как ему удобно, и такой хвост, как надо, и все на земле устроено замечательно и правильно, она, Виолетта, видит свет и может думать, и сейчас придет Пандем...

– Пандем!

«Доброе утро, девочка».

– Правда, все на свете устроено правильно? И у слона такой нос, потому что это удобно?

«Правда. Что ты хочешь сегодня делать?»

– Учиться! Я хочу сегодня учиться!

«Тогда беги скорее умываться. Мама обрадуется, если ты умоешься сама».

Виолетта села на кровати и нащупала маленькими ногами пару тапочек с обезьяньими мордочками.

Ей было шесть лет.

Год назад она была слепым заторможенным существом, тихо тлеющим на койке интерната для детей с дефектами развития.

Когда Омар был маленьким, он был самым богатым пацаном в округе, не считая, конечно, Фарзада, который был сыном лавочника.

Старший брат Омара тоже был богатый. Он воровал у туристов кошельки и дергал из рук сумочки, проносясь мимо на мотоцикле. Но его скоро поймали и забрали в тюрьму, и Омар долго ничего не знал о его судьбе.

Омар ни у кого ничего не воровал. Он прыгал со скалы — в море — за деньги.

Туристы ахали, посверкивали фотоаппаратами. Младший брат Омара обходил их с мешочком для денег; если туристы были новые, они не верили Омару и давали мало. Тогда он перелезал через ограду и прыгал, а скала была такая высокая, что на лету можно было спеть песню.

Когда он выбирался на площадку снова, туристы уже верили. Они охали в десять раз громче, лопотали по-своему, и мешочек в руках Омарова брата делался пузатым.

Омар прыгал снова.

Мальчишки завидовали ему и пытались прыгать тоже. Один убился насмерть, другой на всю жизнь остался хромым и кривошеим. Омар знал: их матери проклинали его и желали ему того же.

Но он не боялся. Только иногда, ночью, он представлял

вдруг, как летит на камни, и покрывался холодным потом; но это было ночью, а не днем.

Однажды, когда он перелезал через ограду, какая-то белая женщина взяла его за мокрое плечо. Она показала ему несколько зеленых бумажек и объяснила словами и жестами, что отдаст их ему, если он не будет прыгать.

Если он *не будет* прыгать.

Тогда он заколебался. За каждую из таких зеленых бумажек его отец батрачил неделю.

Он представил, как слезает с ограды и идет домой с деньгами. Как отдает деньги матери...

Женщина смотрела на него как-то странно. Он улыбнулся и покачал головой. Потому что деньги – это хорошо, но он, Омар, все-таки не голодает. Как объяснить этой женщине, что каждый прыжок для него – дороже денег. Что, когда он отталкивается от ограды, все эти чистые холеные люди из стран, где голодранцу Омару никогда не бывать, одновременно втягивают воздух с негромким звуком «оу», которого не заглушить даже ветру...

Он отказался от ее денег и прыгнул. А когда выплыл и поднялся на площадку, той женщины уже не было.

Чем старше он становился, тем меньше ему платили за его прыжки; по счастью, когда ему исполнилось восемнадцать, его взяли в армию. И там он начал прыгать с парашютом.

Это было даже лучше, чем он ожидал. Его стали посылать на разные соревнования и смотры, он катался на воздушной

доске, выделял в воздухе разные фигуры, прежде чем открыть парашют; генералы пожимали ему руку и говорили, что он – храбрец.

Иногда он приземлялся на запасках. Повисал на скалах, цеплялся за острые ветки деревьев, дважды или трижды ломал ноги; врачи в госпиталях знали свое дело. Омар возвращался в строй.

Три месяца ему пришлось пробыть в зоне военных действий. Девушки думали, что шрам на Омаровой скуле и его сломанный нос – следы боевых ранений; он таинственно улыбался и не говорил им, что это его в увольнении избили четыре подонка. Но он тоже, помнится, здорово их отметел.

Демобилизовавшись, он устроился работать на одну турфирму. Развлечение называлось «Прыжок смерти»; теперь Омар прыгал не со скалы в море, а с парашютом в глубокую расщелину, и воздух свистел в его ушах, но свистел иначе – наверное, он слышал эхо своего полета, отражавшееся от каменных стен.

Он никогда не брал запаски, зная, что все равно не успеет раскрыть второй купол. Однажды парашют раскрылся в тридцати метрах над землей, Омар не успел вырулить на ровную площадку, грохнулся на камни и сломал ногу в двух местах. Его подняли наверх лебедкой, он провел три месяца в госпитале, а когда выписался – появился Пандем.

Омар поначалу не придавал ему большого значения. Он ве-

рил в духов и очень мало — в бога; когда выяснилось, что Пандем не собирается причинять Омару вреда, Омар почти забыл о нем. И снова вернулся к своим прыжкам: падая в пещере, в полной темноте, успевал сделать двойное сальто, какая-то телекомпания сняла о нем фильм...

А потом к расщелине пришли три белых мужика со снаряжением и сказали: мы тоже хотим прыгнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.